

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

EXTREME
PSYCHOLOGY
AND PERSONAL
SAFETY

Экстремальная психология и безопасность личности
2024. Том 1. № 1

Extreme Psychology and Personal Safety
2024. Vol. 1, no. 1

Московский государственный психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology & Education

Экстремальная психология и безопасность личности

Сетевой научный журнал
«Экстремальная психология и безопасность личности»

Редакционная коллегия

Березина Т.Н. (Россия) — главный редактор

Баева И.А. (Россия), Балан И.С. (США),
Барабанщикова В.В. (Россия), Бриль М.С. (Россия),
Горностаев С.В. (Россия), Деулин Д.В. (Россия),
Екимова В.И. (Россия), Караяни А.Г. (Россия),
Носс И.Н. (Россия), Пергаменчик Л.А. (Беларусь),
Петровский В.А. (Россия), Поздняков В.М. (Россия),
Розенова М.И. (Россия), Селиванов В.В. (Россия),
Федотов А.Ю. (Россия), Харламенкова Н.Е. (Россия),
Цветков В.Л. (Россия), Шаранов Ю.А. (Россия),
Марьин М.И. (Россия), Рыбцов С.А. (Россия),
Стельмах С.А. (Казakhstan)

Ответственный секретарь

Пахалкова А.А.

Редактор и корректор

Буторина А.А.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

Россия, 123290, Москва, Шелепихинская набережная,
д.2А, строение 3, кабинет 207
Телефон: +7 (499) 244-07-10
E-mail: epsyps@mgppu.ru
Сайт: <https://psyjournals.ru/journals/epps/contacts>

Издается с 2024 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

серия Эл № ФС77-86694 от 22 января 2024 г.

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все
тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО
МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка
материалов журнала и использование иллюстраций
допускаются только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-
педагогический университет», 2024

Extreme Psychology and Personal Safety

Electronic Scientific Journal
“Extreme Psychology and Personal Safety”

Editorial board

Berezina T.N. (Russia) — editor-in-chief

Baeva I.A. (Russia), Balan I.S. (USA),
Barabanshchikova V.V. (Russia), Bril M.S. (Russia),
Gornostaev S.V. (Russia), Deulin D.V. (Russia),
Ekimova V.I. (Russia), Karayani A.G. (Russia),
Noss I.N. (Russia), Pergamenshchik L.A. (Belarus),
Petrowskiy V.A. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia),
Rosenova M.I. (Russia), Selivanov V.V. (Russia),
Fedotov A.Y. (Russia), Kharlamenkova N.E. (Russia),
Tsvetkov V.L. (Russia), Sharanov Y.A. (Russia),
Maryin M.I. (Russia), Rybtsov S.A. (Russia),
Stelmakh S.A. (Kazakhstan)

Executive secretary

Pakhalkova A.A.

Editor and proofreader

Butorina A.A.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology
and Education (MSUPE)

Editorial office address

Shelepikhinskaya Embankment, 2A, building 3, office 207,
Moscow, Russia, 123290
Phone: +7 (499) 244-07-10
E-mail: epsyps@mgppu.ru
Web: <https://psyjournals.ru/journals/epps/contacts>

Published quarterly since 2024

The mass medium registration certificate:

EL № FS77-86694, registry date 22.01.2024

All rights reserved.

Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property
of MSUPE and copyrighted.

Using reprints and illustrations is allowed

only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2024

Содержание журнала
«Экстремальная психология и безопасность личности»
Том 1. № 1. 2024

<i>Рубрики, авторы, статьи</i>	<i>Страницы</i>
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Носс И.Н. Влияние способа и инструмента измерения интеллекта на оценку динамики когнитивных функций работников	5—14
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ	
Анцибор Ю.А. Применение форсайт технологии в профориентационной работе с воспитанниками довузовских образовательных организаций Министерства обороны Российской Федерации	15—25
ТЕХНОЛОГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ	
Деулин Д.В. Петров В.Е. Арт-терапия в формате стресс-преодолевающего поведения в условиях организации творческой работы студентов	26—33
ПСИХОЛОГИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ	
Сенаторова Е.Н., Балан А.С., Гацуцын В.В. Профессиональное выгорание педагогов средней школы в условиях террористической угрозы	34—43
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Поздняков В.М. О разработке современной модели обеспечения информационно-психологической безопасности	44—58

Contents of the e-journal
“Extreme Psychology and Personal Safety”
Vol. 1, #1—2024

<i>Columns, manuscripts, authors</i>	<i>Pages</i>
INTERDISCIPLINARY RESEARCHES	
Noss I.N. The influence of the method and instrument of measuring intelligence on the assessment of the dynamics of cognitive functions of employees	5—14
PSYCHOLOGY OF SPECIAL RISK PROFESSIONS	
Antsibor Y.A. Application of Foresight Technology in Vocational Guidance Work with Students of Pre-university Educational Institutions Ministries of Defense of the Russian Federation	15—25
TECHNOLOGIES FOR SUPPORTING ACTIVITIES IN EXTREME CONDITIONS	
Deulin D.V., Petrov V.E. Art therapy in the format of stress-overcoming behavior in the context of organizing students’ creative work	26—33
PSYCHOLOGY OF EMERGENCY SITUATIONS	
Senatorova E.N., Balan A.S., Gatsutsyn V.V. Professional burnout of secondary school teachers under conditions of a terrorist threat	34—43
THEORETICAL RESEARCH	
Pozdnyakov V.M. On the development of a modern model for ensuring information and psychological security	44—58

Влияние способа и инструмента измерения интеллекта на оценку динамики когнитивных функций работников

Носс И.Н.

Российский государственный гуманитарный университет, (ФГБОУ ВО РГГУ),
г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4474-7053>, e-mail: i.noss@yandex.ru

В статье приводится эмпирический материал, подтверждающий гипотезу о том, что так называемое возрастное снижение интеллекта наблюдается не всегда и не у всех людей. В результате констатирующего эксперимента выявлено, что этот негативный эффект зависит от вида экспериментального дизайна и от способа психологического измерения переменных. Определено, что лонгитюдный и срезовой планы дают разную — противоречивую — информацию. Выявлено, что респонденты с изначально высоким интеллектуальным уровнем, занимающиеся деятельностью, связанной с научными и творческими изысканиями, показывают высокие результаты на протяжении всей жизни. Однако отдельные познавательные психические процессы, требующие большой скорости реализации, с возрастом даются человеку все труднее. Возможности памяти снижаются. В области зрительного восприятия тоже наблюдается спад. Но интеллектуальные действия, которые используются при решении повседневных или профессиональных задач, продолжают оставаться продуктивными. Наши исследования проводились с целью экспериментальной проверки теоретического положения о ниспадающем соотношении возраста и показателей тестов оценки когнитивных способностей персонала. На смешанной выборке респондентов в количестве 1721 человек проведено сопоставление результатов тестирования интеллектуальных способностей с использованием тестов КОТ, SPM, «Аналогии», «Словарь» и ТОЗ, распределенных по трем оценочно-целевым группам: сферу логического и образно-теоретического мышления, функций комбинаторики и умственного конструирования, словесно-смысловых функций мышления.

Ключевые слова: возрастные когорты, снижение интеллектуальных способностей, экспериментальный дизайн, когортный дизайн, лонгитюдный дизайн, когортно-последовательный план, кристаллизованный интеллект, диагностический инструмент, общая осведомленность, продуктивность, скорость и точность когнитивных процессов.

Для цитаты: Носс И.Н. Влияние способа и инструмента измерения интеллекта на оценку динамики когнитивных функций работников [Электронный ресурс] // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Том 1. № 1. С. 5—14. DOI: <https://doi.org/10.17759/epps.2024010101>

The influence of the method and instrument of measuring intelligence on the assessment of the dynamics of cognitive functions of employees

Igor N. Noss

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4474-7053>, e-mail: i.noss@yandex.ru

The article provides empirical material confirming the hypothesis that the so-called age-related decline in intelligence is not observed in all people and not always. As a result of the ascertaining experiment, it was revealed that this negative effect depends on the type of experimental design and on the method of psychological measurement of variables. It is determined that longitudinal and cross-sectional plans provide different contradictory information. It was revealed that respondents with an initially high intellectual level engaged in activities related to scientific and creative research show high results throughout their lives. However, certain cognitive mental processes that require high speed of realization become more difficult for a person with age. Memory capabilities are decreasing. There is also a decline in the field of visual perception. But the intellectual actions that are used in solving everyday or professional tasks continue to be productive. Our research was conducted with the aim of experimentally verifying the theoretical position about the falling ratio of age and indicators of tests for assessing the cognitive abilities of personnel. In a mixed sample of 1,721 respondents, the results of intellectual ability testing were compared using SOT tests, SPM, Analogies, Dictionary and TOZ, distributed into three evaluative target groups: the sphere of logical and figurative theoretical thinking, functions of combinatorics and mental construction, verbal and semantic functions of thinking.

Keywords: age cohorts; decrease in intellectual abilities; experimental design; cohort design; longitudinal design, cohort-sequential plan; crystallized intelligence; diagnostic tool; general awareness; productivity, speed and accuracy of cognitive processes.

For citation: Noss I.N. The influence of the method and instrument of measuring intelligence on the assessment of the dynamics of cognitive functions of employees. *Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti* = *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2024. Vol. 1, no. 1, pp. 5—14. DOI: <https://doi.org/10.17759/epps.2024010101> (In Russ.).

Введение

В исследовании Ф. Шмидта (F.Schmidt) путем метаанализа показано, что «тесты интеллекта как всегда на пьедестале», «укрепили свои позиции», и «множество инструментов не дают какого-либо прироста валидности после использования тестов интеллекта» [25]. Эти выводы действительно ставят в центр исследования интеллекта диагностические инструменты, по крайней мере, в рамках разработки профотборных, мониторинговых и аттестационных тестовых батарей. Поэтому когнитивным пробам в психологии отводят довольно важное место.

Популярный ныне взгляд на то, что с возрастом идет снижение интеллектуальных способностей, находит обширный отклик в публикациях и рассуждениях психологов. Действительно, возрастные физиологические изменения, безусловно, накладывают отпечаток на мышление и его эффективность. Однако оно наблюдается не у всех людей и не всегда. Снижение когнитивных функций зависит не только от свойств исследуемых когорт, но и, во-первых, от технологии и, во-вторых, от инструментов психодиагностики.

В психологии развития применяются три основных экспериментальных дизайна, которые влияют в целом на диагностическую картину оценки интеллекта. Наиболее простой и очень популярный — это «срезовый» (когортный) план, предполагающий сопоставление тестовых показателей людей-представителей различных групп (когорт), объединенных по параметру возраста. Описание метода «поперечных срезов» приводится в литературе [3; 6]. Существует много критики этого способа, так как, «люди разных возрастов исследуются в одно и то же время, показывают кажущееся возрастное снижение, поскольку изменения в культурном уровне смешиваются с эффектами старения» [3, с. 361—368].

Согласно этому дизайну, наблюдается довольно резкое снижение уровня когнитивных способностей с увеличением возраста [3, с. 362].

Следует уточнить, что пик интеллектуальных достижений людей у разных авторов трактуется по-разному. По шкале Стэнфорд—Бине интеллектуальный возраст среднего взрослого соответствовал 15 годам. При использовании Векслеровской шкалы пик результатов получен в двадцать с лишним лет [28], что подтверждено рядом публикаций [2; 21]. В целом можно констатировать, что пик мыслительной активности людей приходится на период 15-30 лет, после чего наступает ее снижение. Однако некоторые авторы утверждают, что эта активность может наблюдаться на протяжении всей жизни [21; 2; 24].

Лонгитюдный (последовательный) план представляет иную картину. Исследования, касающиеся возрастных изменений в течение периода взрослости, показывают, что вместо снижения результатов у людей с начально-высоким интеллектом демонстрируется существенный рост показателей [24; 21; 23; 27]. Как отмечает Д. Кэмпбелл, «в лонгитюдных исследованиях эффект естественного развития смешивается с эффектами тестирования и фоновых воздействий. Само по себе лонгитюдное исследование, вероятно, не лучше поэтапных срезов, хотя большие затраты придают ему больший престиж. Идеальным представляется сочетание того и другого с использованием повторных поперечных срезов, выполненных в разное время» [7, с.159].

Поэтому для снятия методической неопределенности в психологии развития применяется когортно-последовательный план (cross-sequential design) исследования [23].

Схемы лонгитюдного и смешанного экспериментов посредством своей особой организации приводят к существенным изменениям измерения и выявляют механизмы функционирования мышления, основанные на включении второго слоя — кристаллизованного интеллекта. Поэтому функции логики, практических навыков, смыслового контекста, опыта и памяти — становятся актуальными и заполняют пространство когнитивных операций, вытесняя операционные, скоростные, рискованно-креативные аспекты мышления [6, с. 772].

За счет активности этих содержательно-смысловых позиций [32] интеллекта и интеграции мыслительных функций [29] с возрастом сохраняется, в целом, эффективность мыслительной деятельности при решении реальных задач [1].

При исследовании когнитивных функций и в целом интеллекта людей зрелого возраста необходимо также учитывать строение самого диагностического инструмента и его направленности. Часто у этой возрастной когорты изучаются мыслительные функции не сопоставимые с представлением умственных признаков (параметров) присутствующих молодежи.

Исторически исследование интеллекта имеет познавательно-технологический акцент. В оценку включаются мыслительные функции, реализующиеся в измерении степени ориентированности, восприятия и понимания информационного пространства, способов анализа цифровой среды, скорости и точности мыслительных операций и пр. Поэтому в большинстве исследований интеллекта зрелых людей наблюдается статистически значимое возрастное снижение результатов в субтестах на арифметические действия и на «беглость речи» [23]. В информационных тестах, тестах на понимание и в арифметических тестах также выявлен заметный спад значений [2].

Тесты на конструирование и неязыковые тесты (например, SPM [10]) выявили снижение значений показателей у более старших по возрасту испытуемых, чем вербальные тесты [2; 23; 12]. Вербальное же рассуждение, словарный запас, понимание социальных требований повышается в течение всей жизни [20]. Результаты словарного теста практически не изменяются до 70-летнего возраста [23; 30].

Отдельные познавательные психические процессы естественно замедляются. Навыки, требующие скорости, с возрастом даются человеку все труднее, поскольку начинают замедляться многие психомоторные процессы [22; 6]. Что же касается памяти, то с возрастом ее возможности снижаются, хотя и это зависит от специфики решаемых задач [19]. В области зрительного восприятия тоже наблюдается возрастной спад [14].

Исследуя проявления креативности, Х. Лехман (Lehman H.C.) утверждает, что пик творческой продуктивности чаще всего приходится на период с 30 до 40 лет, а далее наступает уверенное снижение [18].

Оценки по тестам пространственных отношений, индуктивного и абстрактного рассуждения ниже у возрастных, чем у более молодых испытуемых [16; 17; 23]. Однако уровень мыслительных функций с возрастом повышается в области вербального понимания и включенных в реальную практику испытуемых арифметических действий [23]. В целом же интеллектуальные действия, которые используют респонденты при решении повседневных или профессиональных задач, продолжают оставаться продуктивными [31]. Однако когда новая информация противоречит информации, известной прежде, она ставит людей старшего возраста в затруднительное положение [2], объективно снижая их тестовую результативность. Именно поэтому у возрастных людей следует измерять именно для них характерные способы познания [26].

То есть, как отмечает А. Анастаси, функционально-содержательный анализ поведения в разнообразных сферах жизни возрастных людей, должен привести к усовершенствованию конструкции диагностических инструментов, экспериментального дизайна и к прояснению смысла тестовых показателей [2].

Организация исследования

Цель исследования

Наши исследования проводились с целью подтверждения теоретического положения о ниспадающем соотношении возраста и показателей тестов оценки когнитивных способностей персонала.

Методы исследования

Краткой отборочный тест Вандерлика (КОТ) [5],
Стандартные прогрессивные матрицы Равена (SPM) [10],
Субтест «Аналогии» Теста умственных способностей Амтхауэра [9],
Субтест «Словарь» Теста оценки общих способностей Фланагана [11],
Тест общих знаний Линна (ТОЗ) [4].

Статистические методы

Осуществлен дисперсионный анализ с использованием t-критерия Стьюдента.

Испытуемые

1554 человека — смешанная выборка испытуемых (госслужащих) по полу, возрасту, образованию, профессии и региональной принадлежности.

Дизайн исследования

Было проведено сопоставление результатов тестирования интеллектуальных способностей сотрудников по возрастным диапазонам с использованием t-критерия Стьюдента. В первом исследовании осуществлено 3 замера показателей (тест КОТ): в 2011 г. (65 чел.), в 2013 г. (694 чел.), в 2020 г. (219 чел.) для оценки влияния эффекта повторного тестирования. Во втором исследовании в 2014 г. при помощи (ТОЗ) на выборке 576 чел. изучался уровень усвоенных знаний респондентов. В третьем исследовании в 2020 г. на выборке 219 чел. выявлено соотношение показателей трех типов оценочно-целевых групп когнитивного исследования: группа (А) — сфера логического и образно-теоретического мышления (КОТ, Аналогии); группа (Б) — функции комбинаторики и умственного конструирования (SPM); группа (В) — словесно-смысловые функции мышления (Словарь).

Результаты

Методики, примененные в нашем исследовании, были стандартизированы и их результаты представлены в стэжах. Экспериментальная выборка представлена в виде возрастных когорт с 5-летним диапазоном значений (Таблица 1).

Таблица 1

Соотношение показателей интеллектуальных тестов по возрастным диапазонам (в стэжах)

Возрастной диапазон	Обобщенные данные
18—20 лет	5,71
21—25 лет	6,18
26—30 лет	6,12
31—35 лет	6,04
36—40 лет	5,97
41—45 лет	5,98
46—50 лет	5,76
51—55 лет	5,53
Старше 55 лет	5,28

Анализ показал, что у сотрудников в возрасте старше 21—25 лет наблюдается резкое снижение тестовых значений, что подтверждает общепринятую картину, получаемую другими исследователями при применении «срезового» экспериментального дизайна.

Однако применение тестов оценки кристаллизованного интеллекта, зависящего от объема усвоенных знаний и опыта жизнедеятельности при изучении возрастных коллизий, отражает иную картину. Результаты нашей оценки уровня осведомленности при помощи ТОЗ на смешанной выборке по полу, возрасту, образованию, профессии объемом 576 человек показаны на Рисунке 1.

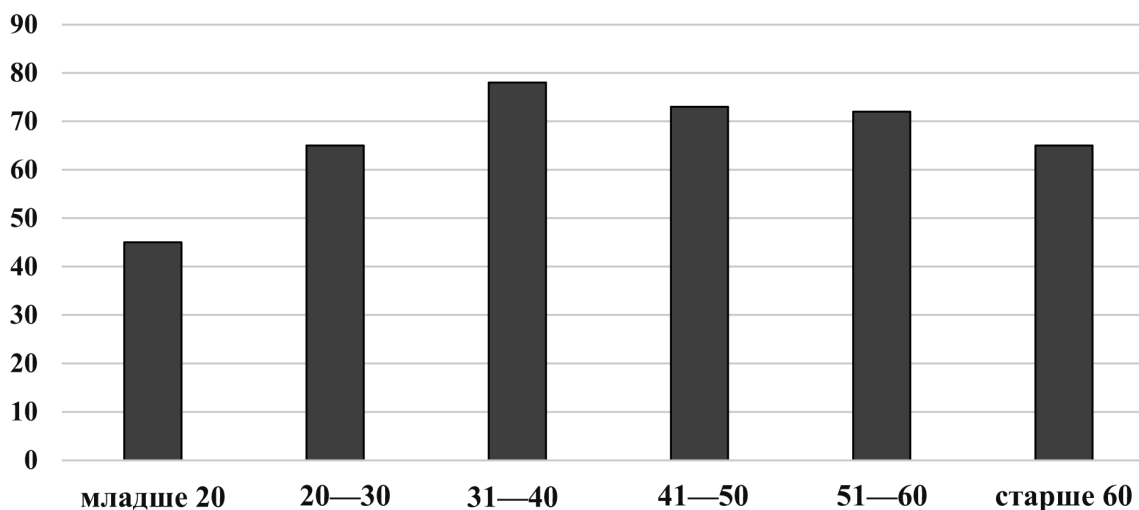

Рис. 1. Соотношение показателей ТОЗ («сырые» баллы, среднее количество правильных ответов в возрастной когорте)

Выявлено, что опыт жизни людей поддерживает уровень интеллекта. Кристаллизованные способности, которые определяются объемом усвоенных знаний, умений, навыков, с возрастом перекрывают флюидные способности. Поэтому люди старше 60-ти показывают результаты, сопоставимые с 20—30 летними. То есть, применение в исследованиях тестов — «на оценку знаний» изменяют динамику когнитивных функций и общую картину их оценки.

Как отмечалось выше, у возрастных сотрудников интеллектуальные способности изменяются как по форме, так и по содержанию. Поэтому измерение их должно быть особым образом трансформировано [2].

Изучение самого инструмента измерения когнитивных функций заставляет обратить особое внимание, с одной стороны, на развитие испытуемых, и, с другой стороны, на их включенность в процесс тестирования, а также на степень их осведомленности о применяющихся психодиагностических методиках.

Сравнение популярных тестов по периодам исследования за последние десятилетие показывает прогрессирующее их изменение, связанное с тем, что респонденты в процессе профессиональной жизни часто сталкиваются с профориентационной, профессиональной и мониторинговой диагностикой, в рамках которых эти тесты используются довольно часто, и привыкают к ним. Это приводит к росту средних результатов по всем тестовым параметрам. В Таблице 2 приведен пример использования популярного в России теста КОТ за 10 лет.

Таблица 2

Соотношение показателей КОТ по годам (стэны)

Периоды тестирования (выборка)	2011 г.	2013 г.	2020 г.
Показатели КОТ			
Продуктивность	4,89	7,00	7,15
Скорость	5,74	6,69	6,82
Точность	4,93	6,75	6,53

Дисперсионный анализ, проведенный с использованием t-критерия Стьюдента, показал, что данные 2011-го года статистически значимо различались с показателями КОТ, полученными в 2013-м и 2020-м годах. При том, что значения тестов 2013-го и 2020-го годов были однородны (Таблица 3).

Таблица 3

Соотношение средних значений показателей КОТ по t-критерию Стьюдента (уровень статистической значимости различий)

2013 г.	2020 г.	
0,01	0,01	2011 г.
	0,93	2013 г.

Это различие объясняется тем, что выборка 2011-го года состояла из руководителей, а выборки 2013-го и 2020-го годов из рядовых сотрудников. С одной стороны, эти данные подтверждают гипотезу о преимуществах, надежности [8] и валидности [15; 13] данных интеллектуальных тестов, полученных в разное время на однородных выборках. С другой стороны, мы наблюдаем неуклонный общий рост показателей ввиду проявления эффекта тестирования [7, с. 46].

В ходе измерения когнитивных способностей сотрудников госслужбы весь инструментарий по предназначению (предмету исследования) был распределен по трем оценочно-целевым группам: группа (А) — сфера логического и образно-теоретического мышления (КОТ, Аналогии); группа (Б) — функции комбинаторики и умственного конструирования (SPM Равена); группа (В) — словесно-смысловые функции мышления (Словарь). Средние значения показателей тестов показаны на Рисунке 2.

В рамках проводимого исследования на первый взгляд наблюдается несоответствие одних и тех же параметров разноплановых тестов. Однако дисперсионный анализ показал, что значения тестов однородны (статистически значимо не различаются на уровне $p < 0,05$) (Таблица 4), что подтверждает надежность диагностики.

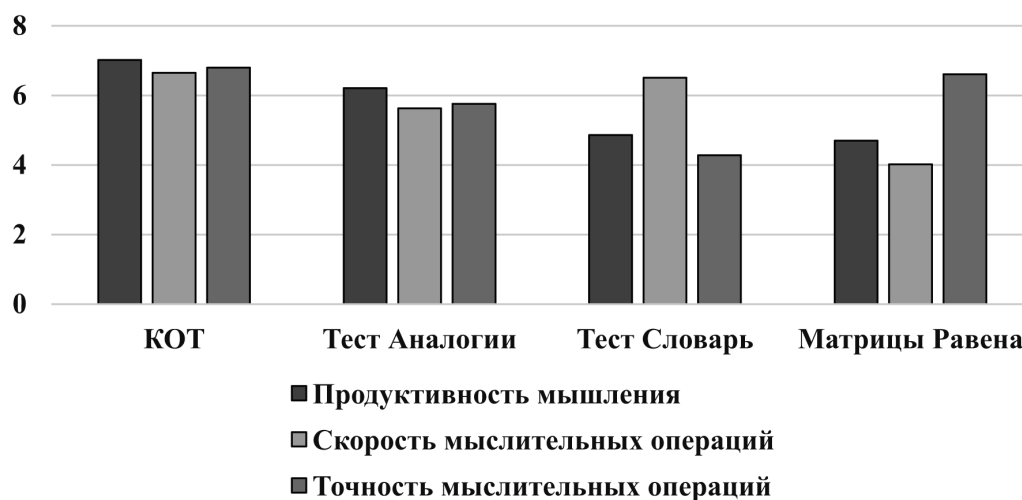

Рис. 2. Значения показателей тестов

Таблица 4

Соотношение средних значений показателей психодиагностических методик по t-критерию Стьюдента (уровень статистической значимости различий)

Группа (Б) — функции комбинаторики и умственного конструирования (SPM)	Группа (В) — словесно-смысловые функции мышления (Словарь)	
0,26	0,17	Группа (А) — сфера логического и образно-теоретического мышления (КОТ, Аналогии)
	0,88	Группа (Б) — функции комбинаторики и умственного конструирования (SPM)

Заключение и выводы

Физиологические изменения людей, безусловно, накладывают отпечаток на их мышление и его эффективность. В целом с возрастом идет снижение интеллектуальных способностей. Однако снижение когнитивных функций зависит не только от возрастных особенностей исследуемых когорт, но и от технологии и инструментов психологического измерения.

Критичное применение экспериментальных технологий: когортного, лонгитюдного и комбинированного дизайнов — показало, что сами их формы влияют на результаты и интерпретационные выводы о степени и темпах возрастных когнитивных изменений.

Выявлена относительно устойчивая возрастная динамика интеллектуальных переменных. С возрастом функции логики, практических навыков, смыслового контекста, опыта и памяти становятся актуальными и заполняют пространство когнитивных операций, вытесняя операционные, скоростные, рискованно-креативные аспекты мышления. При этом сохраняется эффективность мыслительной деятельности при решении реальных задач.

Применяемые тесты на конструирование и неязыковые тесты действительно выявили снижение значений у более старших по возрасту испытуемых, чем вербальные тесты. Однако вербальное рассуждение, словарный запас, понимание социальных требований — повышается. С возрастом отдельные познавательные психические процессы, требующие скорости, даются человеку все труднее, возможности памяти снижаются, в области зрительного восприятия тоже наблюдается спад.

Но интеллектуальные действия, которые используются при решении повседневных или профессиональных задач, продолжают оставаться продуктивными.

Функционально-содержательный анализ поведения и мышления людей в разнообразных сферах жизни приводит к настоящей мысли об усовершенствовании конструкции тестов и к прояснению смысла тестовых показателей для тестирования возрастных людей.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
2. Анастаси А. Дифференциальная психология. Индивидуальные и групповые различия в поведении / Пер. с англ. М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 752 с.
3. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2001. 688 с.
4. Григорьев А.А., Журавлев И.В., Журавлева Ю.В., Лантева Е.М., Носс И.Н. Апробация теста общей осведомленности в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т.13. № 4. С. 636—646. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-636-646>
5. Истратова О.Н., Эксакусто Т.В. Психодиагностика. Коллекция лучших тестов. Изд. 8-е. Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. 375 с.
6. Крайг Г. Психология развития. СПб.: Питер, 2002. 992 с.
7. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социально-психологических и прикладных исследованиях. СПб.: Социально-психологический центр, 2006. 390 с.
8. Линн Р. Расовые различия в интеллекте. Эволюционный анализ / Пер. с англ. Румянцев Д.О. М.: Профит Стайл, 2010. 304 с.
9. Миронова Е.Е. Сборник психологических тестов. Часть II. Минск: Женский институт ЭНВИЛА, 2006. 146 с.
10. Равен Дж., Равен Дж.К., Корт Дж.Х. Руководство к Прогрессивным Матрицам Равена и Словарным Шкалам. Раздел 3. Стандартные Прогрессивные Матрицы. М.: Когито-Центр, 2012. 144 с.
11. Чикер В.А. Психологическая диагностика организации и персонала. СПб.: Речь, 2004. 176 с.
12. Ackerman P.L. Intelligence Process vs. Content and Academic Performance: A Trip through a House of Mirrors. *J Intell.* 2022. Vol.10(4): 128. doi: 10.3390/jintelligence10040128.
13. Brown R.T., Reynolds C.R., Whitaker J.S. Bias in mental testing since Bias in Mental Testing // *School Psychology Quarterly.* 1999. Vol.14. P. 208—238. <https://doi.org/10.1037/H0089007>
14. Cavanaugh J.C., Blanchard-Fields F. Adult development and aging. Australia; Belmont, CA: Wadsworth/Thomson Learning. 2006. 616 p.
15. Dyck M.J. Cognitive assessment in a multicultural society: comment on Davidson // *Australian Psychologist.* 1996. Vol. 31. P. 66—69. doi.org/10.1080/00050069608260180
16. Horn J.L., Donaldson G. Cognitive development in adulthood // J. Kagan & O.G. Brim Jr. (Eds.), *Constancy and change in development.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. P. 81—84.
17. Labouvie-Vief G. Intelligence and cognition // J. Birren & K.W. Schaie (Eds.), *Handbook of the psychology of aging (2nd ed.).* New York: Van Nostrand Reinhold, 1985. P. 500—530.
18. Lehman H.C. Age and achievement. Princeton. N.J.: Princeton University Press, 2017. 372 p.
19. Mack M., et al. Cognitive-motor multitasking in older adults: a randomized controlled study on the effects of individual differences on training success. *BMC Geriatr* 2022. Vol.22. 581 p. DOI:10.1186/s12877-022-03201-5
20. Neugarten B.L. The psychology of aging: An overview. Washington, DC: American Psychological Association, 1976. 21 p.
21. Oden M.H. The fulfillment of promise: 40-year follow-up of the Terman gifted group // *Genetic psychology monographs.* 1968. 165 p.
22. Salthouse T. Cognitive competence and expertise in aging // J. Birren & K.W. Schaie (Eds.), *Handbook of the psychology of aging (3rd ed.).* San Diego: Academic Press, 1990. P. 347—357.
23. Schaie K.W. & Willis Sh.L. The Seattle Longitudinal Study of Adult Cognitive Development // *University of Washington Seattle.* 2010. Vol.57(1). P.24—29.

24. *Schalke D., Brunner M., Geiser C., Preckel F., Keller U., Spengler M., Martin R.* Stability and change in intelligence from age 12 to age 52: results from the Luxembourg MAGRIP study. *Dev Psychol.* 2013 Aug; 49(8):1529—43. doi: 10.1037/a0030623.
25. *Schmidt F.L., Oh I-S & Shaffer J.* The Validity and Utility of Selection Methods in Personnel Psychology: Practical and Theoretical Implications of 95 Years of Research Findings. Presentation at the PTC/MW seminar on November 6, 2012. DOI:10.1037/0033-2909.124.2.262
26. *Sean A.P., et. al.* Education and Cognitive Decline: An Integrative Analysis of Global Longitudinal Studies of Cognitive Aging. *The Journals of Gerontology: Series B.* Vol. 75, Issue 7. 2020. P. 151—160. DOI:10.1093/geronb/gbz053
27. *Singer, J.D.* Applied longitudinal data analysis: modeling change and event occurrence. New York: Oxford University Press. 2002. 644 p.
28. *Sweet J.I.* Wechsler adult intelligence scale-revised and insufficient effort. *Clinical Neuropsychologist.* 1999. Vol.13(2): 233—233.
29. *Werner H.* Developmental processes. N.Y.: Intern. Univ. Press. 1978. Vol. 1. 562 p.
30. *White M.L.* Mental age norms for vocabulary scores in the 1937 Stanford-Binet. *Psychol Rec.* 2017. Vol. 5. 159—169.
31. *Willis S.* Towards an educational psychology of the older adult learner: Intellectual and cognitive bases // J. Birren & W. Schaie (Eds.). *Handbook of the psychology of aging.* 2nd. ed. — New York: Van Nostrand Rienhold, 1985.
32. *Zahodne L.B., Stern Y., & Manly J.J.* Differing effects of education on cognitive decline in diverse elders with low versus high educational attainment. *Neuropsychology.* 2015. Vol. 29. 649. DOI:10.1037/neu0000141.

References

1. Ananyev B.G. *Chelovek kak predmet poznaniya.* Sankt-Peterburg: Piter, 2001. 288 p.
2. Anastazi A. *Differentsialnaya psikhologiya. Individualnie I grupповie razlichiya v povedenii / Per. s angl.* Moskva: Aprel-Press, Eksmo-Press, 2001. 752 p.
3. Anastazi A., Urbina S. *Psikhologicheskoe testirovanie.* Sankt-Peterburg: Piter, 2001. 688 p.
4. Grigorev A.A., Zhuravlev I.V., Zhuravleva Yu.V., Lapteva E.M., Noss I.N. *Aprobatsiya testa obschey osvedomlennosti v Rossii. Psikhologiya. Zhurnal Vischey shkoli ekonomiki.* 2016. T.13. N 4. pp. 636—646.
5. Istratova O.N., Exakusto T.V. *Psikhodiagnostika. Kolleksiya luchshikh testov. Izd. 8-e.* Rostov-na-Donu: Fenix, 2011. 375 p.
6. Krayg G. *Psikhologiya razvitiya.* Sankt-Peterburg: Piter, 2002. 992 p.
7. Kempbell D. *Modeli eksperimntov v sotsialno-psikhologicheskikh I prikladnih issledovaniyah.* Sankt-Peterburg: Sotsialno-psikhologicheskiiy tsentr, 2006. 390 p.
8. Linn R. *Rassovie razlichiya v intellekte. Evolutsionniy analiz. Per. s angl.* Rummyantsev D.O. Moskva: Profit Stail, 2010. 304 p.
9. Mironova E.E. *Sbornik psikhologicheskikh testov. Chast II.* Mivsk: Zhenskiy institut ENVILA, 2006. 146 p.
10. Raven Dzh., Raven Dzh.K., Kort Dzh.Kh. *Rukovodstvo k Progressivnim Matritsam Ravena i Slovarnim Shkalam. Razdel 3. Standartnie Progressivnie Matritsi.* Moskva: Kogito-Tsentr, 2012. 144 p.
11. Chiker V.A. *Psikhologicheskaya diagnostika organizatsii i personala.* Sankt-Peterburg: Rech, 2004. 176 p.
12. Ackerman PL. *Intelligence Process vs. Content and Academic Performance: A Trip through a House of Mirrors.* *J Intell.* 2022. Vol. 10(4): 128.
13. Brown R.T., Reynolds C.R., Whitaker J.S. *Bias in mental testing since Bias in Mental Testing.* *School Psychology Quarterly.* 1999. Vol.14. P. 208—238.
14. Cavanaugh J.C., Blanchard-Fields F. *Adult development and aging.* Australia; Belmont, CA: Wadsworth/Thomson Learning. 2006. 616 p.
15. Dyck M.J. *Cognitive assessment in a multicultural society: comment on Davidson.* *Australian Psychologist.* 1996. Vol. 31. P. 66—69.

16. Horn J.L., Donaldson G. Cognitive development in adulthood // J. Kagan & O.G. Brim, Jr. (Eds.), *Constancy and change in development*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. P. 81—84.
17. Labouvie-Vief G. Intelligence and cognition // J. Birren & K. W. Schaie (Eds.), *Handbook of the psychology of aging* (2nd ed.). New York: Van Nostrand Reinhold, 1985. P. 500—530.
18. Lehman H.C. *Age and achievement*. Princeton. N. J.: Princeton University Press, 2017. 372 p.
19. Mack M., et al. Cognitive-motor multitasking in older adults: a randomized controlled study on the effects of individual differences on training success. *BMC Geriatr* 2022. Vol. 22. 581 p. DOI:10.1186/s12877-022-03201-5
20. Neugarten B.L. *The psychology of aging: An overview*. Washington, DC: American Psychological Association, 1976.
21. Oden M.H. *The fulfillment of promise: 40-year follow-up of the Terman gifted group*. Genetic psychology monographs. 1968.
22. Salthouse T. Cognitive competence and expertise in aging. J. Birren & K.W. Schaie (Eds.), *Handbook of the psychology of aging* (3rd ed.). San Diego: Academic Press, 1990. P. 347—357.
23. Schaie K.W. & Willis Sh. L. *The Seattle Longitudinal Study of Adult Cognitive Development*// University of Washington Seattle. 2010. Vol. 57(1). P. 24—29.
24. Schalke D., Brunner M., Geiser C., Preckel F., Keller U., Spengler M., Martin R. Stability and change in intelligence from age 12 to age 52: results from the Luxembourg MAGRIP study. *Dev Psychol*. 2013 Aug; 49(8):1529—43.
25. Schmidt F.L., Oh I-S & Shaffer J. *The Validity and Utility of Selection Methods in Personnel Psychology: Practical and Theoretical Implications of 95 Years of Research Findings*. Presentation at the PTC/MW seminar on November 6, 2012.
26. Sean A.P. (et. al.) *Education and Cognitive Decline: An Integrative Analysis of Global Longitudinal Studies of Cognitive Aging*. *The Journals of Gerontology: Series B*. Vol. 75, Issue 7. 2020. P. 151—160.
27. Singer, J.D. *Applied longitudinal data analysis: modeling change and event occurrence*. New York: Oxford University Press. 2002. 644 p.
28. Sweet J.I. Wechsler adult intelligence scale-revised and insufficient effort. *Clinical Neuropsychologist*. 1999. Vol.13(2): 233—233.
29. Werner H. *Developmental processes*. N.Y.: Intern. Univ. Press. 1978. Vol. 1. 562 p.
30. White M.L. Mental age norms for vocabulary scores in the 1937 Stanford-Binet. *Psychol Rec*. 2017. Vol. 5. 159—169.
31. Willis S. Towards an educational psychology of the older adult learner: Intellectual and cognitive bases. J. Birren & W. Schaie (Eds.). *Handbook of the psychology of aging*. 2nd. ed. — New York: Van Nostrand Reinhold, 1985.
32. Zahodne, L.B., Stern, Y., & Manly, J.J. (2015). Differing effects of education on cognitive decline in diverse elders with low versus high educational attainment. *Neuropsychology*. Vol. 29. 649.

Информация об авторах

Носс Игорь Николаевич, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии Российского государственного гуманитарного университета, (ФГБОУ ВО РГГУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4474-7053>, e-mail: i.noss@yandex.ru

Information about the authors

Noss Igor Nikolaevich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Psychology of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4474-7053>, e-mail: i.noss@yandex.ru

Получена 18.03.2024

Принята в печать 29.05.2024

Received 18.03.2024

Accepted 29.05.2024

Применение форсайт-технологии в профориентационной работе с воспитанниками довузовских образовательных организаций Министерства обороны Российской Федерации

Анцибор Ю.А.

Московское суворовское военное училище Министерства обороны Российской Федерации (ФГКОУ МСВУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0918-3710>, e-mail: antsibor-yulia@mail.ru

В статье представлены результаты тематического исследования по применению инновационного инструментария при проведении профориентационной работы с воспитанниками довузовских образовательных организаций Министерства обороны Российской Федерации. Специфика данных организаций накладывает свой отпечаток на формы и методы профориентационной работы с воспитанниками и требует поиска и внедрения новых, эффективных форм работы. В исследовании приняли участие воспитанники 10—11 классов Московского суворовского военного училища в количестве 161 человек, с 50% которых на протяжении года дополнительно проводился цикл занятий на основе метода форсайт-сессии. Для оценки влияния форсайт технологии на качество профориентационной работы использовались опросники «Военно-профессиональная мотивация» (Б.В. Овчинников, А.Ф. Боровиков) и «Готовность к военно-профессиональной деятельности», разработанный в Московском суворовском военном училище. Полученные результаты подтвердили эффективность применения форсайт технологии в работе с воспитанниками по формированию военно-профессиональной мотивации.

Ключевые слова: профориентационная работа, форсайт-сессии, форсайт технология, мотивация к военной профессии, воспитанники, Московское суворовское военное училище, педагог-психолог, интерактивные формы работы, образ будущего, довузовские образовательные организации Министерства обороны.

Для цитаты: Анцибор Ю.А. Применение форсайт-технологии в профориентационной работе с воспитанниками довузовских образовательных организаций Министерства обороны Российской Федерации [Электронный ресурс] // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Том 1. № 1. С. 15—25. DOI: <https://doi.org/10.17759/epps.2024010102>

Application of Foresight Technology in Vocational Guidance Work with Students of Pre-university Educational Institutions Ministries of Defense of the Russian Federation

Yulia A. Antsibor

Moscow Suvorov Military School of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1122>, e-mail: antsibor-yulia@mail.ru

The article presents the results of a case study on the use of innovative tools when conducting career guidance work with students of pre-university educational organizations of the Ministry of Defense

of the Russian Federation. The specifics of these organizations leave their mark on the forms and methods of career guidance work with students and require the search and implementation of new, effective forms of work. The study involved 161 students in grades 10—11 of the Moscow Suvorov Military School, 50% of whom were additionally given a cycle of classes throughout the year based on the foresight session method. To assess the impact of foresight technology on the quality of career guidance work, the questionnaires «Military Professional Motivation» (B.V. Ovchinnikov, A.F. Borovikov) and «Readiness for Military Professional Activity», developed at the Moscow Suvorov Military School, were used. The results obtained confirmed the effectiveness of using foresight technology in working with students to develop military-professional motivation.

Keywords: career guidance, foresight sessions, foresight technology, motivation for the military profession, pupils, Moscow Suvorov Military School, teacher-psychologist, interactive forms of work, image of the future, pre-university educational organizations of the Ministry of Defense.

For citation: Antsibor Y.A. Application of Foresight Technology in Vocational Guidance Work with Students of Pre-university Educational Institutions Ministries of Defense of the Russian Federation. *Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti = Extreme Psychology and Personal Safety*, 2024. Vol. 1, no. 1, pp. 15—25. DOI: <https://doi.org/10.17759/epps.2024010102> (In Russ.).

Введение

Выбор будущей профессии всегда являлся одним из краеугольных камней в жизни каждого человека. Правильно выбранная профессия имеет огромное значение как для индивида, так и для общества в целом. Это ключевой фактор личностного развития, социальной адаптации и общего благополучия человека. Выбор профессии, соответствующий личным качествам и предпочтениям, способствует гармоничному развитию личности и ее профессиональному росту [14]. Сегодня даже невозможно определить точное количество профессий, существующих в мире, поскольку оно постоянно меняется из-за развития технологий, экономических и социальных трансформаций. Казалось бы, что для принятия такого ответственного решения как выбор профессии у молодежи есть достаточное количество времени. Ведь за 11 лет учебы в школе совместно с родителями и учителями можно определить траекторию своего жизненного развития.

Однако, есть категория детей, которая уже с 10—11 лет поставлена в рамки predetermined профессии, в основном выбранной родителями. К такой категории относятся воспитанники довузовских образовательных организаций Министерства обороны Российской Федерации. И перед педагогическим коллективом этих организаций стоит непростая задача — помочь воспитанникам не только утвердиться в выборе профессии военного, но и осознанно определиться с будущей военно-учетной специальностью и спроецировать свой жизненный путь в армейской среде.

Обучение в суворовских и нахимовских военных училищах, президентских кадетских училищах и кадетских корпусах начинается с пятого класса. В этом возрасте школьники еще не могут осознанно воспринимать выбор своей будущей профессии и решение о поступлении в эти учебные заведения принимается в основном их родителями. В отдельных случаях фактором, влияющим на выбор подростков, может являться эмоциональный фон, сформированный на основе просмотра художественных фильмов, прочтения литературы, рассказов действующих военнослужащих и ветеранов войны, друзей и значимых людей.

Профориентационную работу с воспитанниками можно условно разделить на два основных блока. Первый — это работа с младшими учебными курсами (5—9 класс) по формированию осознанного решения в выборе профессии военнослужащего. И второй блок — это работа со старшими курсами (10—11 класс), в ходе которой суворовцы определяют с выбором военной специальности с учетом не только личных предпочтений и способностей, но и психофизиологических особенностей.

В процессе работы с воспитанниками важно не только помочь им утвердиться в сделанном выборе, но и сохранить стойкий интерес к военно-профессиональной деятельности на протяжении всего семилетнего обучения, который, в силу различных обстоятельств, может ослабевать к старшим курсам. С этой целью широко используются такие формы профориентационной работы как: профессиональная диагностика, профессиональное просвещение, профессиональная пропедевтика и профессиональное консультирование.

Обзор литературы

Профориентационная работа начала активно развиваться в начале XX века, когда впервые возникла потребность в систематическом подходе к выбору профессии. В западной науке вопросы профориентационной работы изучались многими учеными, такими как Фрэнк Парсонс, Джон Л. Холланд, Дональд Супер, Марк Савикас, Эдгар Шейн, разработавшими теоретические основы и практические подходы к профессиональному консультированию и профориентации [4].

Основатель профориентационного консультирования Фрэнк Парсонс еще в начале XX века разработал «трехступенчатую модель» выбора профессии, включающую в себя самопонимание, знание мира работы и сопоставление этих двух аспектов [19].

Джон Л. Холланд создал теорию типов личности и профессиональных сред. Его теория предполагает, что люди более удовлетворены и продуктивны в работе, которая соответствует их типу личности. Холланд разработал широко известную модель RIASEC для описания интересов личности и соответствующих им профессий [18].

В концепции жизненных стадий развития карьеры Дональда Супера основополагающим является утверждение, что процесс выбора профессии непрерывно развивается и меняется в течение всей жизни [21].

Марк Савикас разработал и активно продвигает концепцию карьерной конструкции (Career Construction Theory), объединяющую элементы теории Д. Супера о развитии карьеры и конструктивистский подход к психологии [20].

В России значительный вклад в развитие профориентационной работы внесли А.Г. Асмолов, А.С. Макаренко, В.А. Крутецкий, Е.А. Климов, Н.С. Пряжников и ряд других исследователей.

Классик советской педагогики А.С. Макаренко активно занимался вопросами трудового воспитания и профессиональной ориентации молодежи. Его работы подчеркивают значимость воспитания через труд и активное участие учащихся в общественно полезной деятельности [11].

Работы психолога и педагога В.А. Крутецкого направлены на исследование структуры и механизмов формирования интеллектуальных и профессиональных способностей и вносят значительный вклад в понимание индивидуальных особенностей учащихся в контексте их профессионального самоопределения [9].

Значительный вклад в изучение проблем личностного и профессионального самоопределения внес психолог А.Г. Асмолов, работы которого посвящены изучению механизмов выбора профессии и развития профессиональной идентичности [1].

Автором множества работ, посвященных проблемам профориентации и профессионального самоопределения, является советский и российский психолог, психофизиолог Е.А. Климов. Его подходы и методики активно используются в практике профориентационной работы со старшеклассниками [8].

По мнению Н.С. Пряжникова профориентационная работа является неотъемлемой частью системы образования. Она должна начинаться уже в школьном возрасте и проводиться с учетом соответствия между индивидуальными качествами человека, его интересами и требованиями выбранной профессии [12; 13].

В целом можно констатировать, что основой профориентационной работы является комплекс теорий, объясняющих процессы профессионального самоопределения и выбора профессии. Такими ключевыми теориями являются:

- теория траекторий карьеры, которая предполагает, что профессиональный путь человека может быть спланирован и предсказан на основе его интересов, способностей и ценностей;
- теория социального научения карьеры, подчеркивающая роль обучения через личный опыт и социальное взаимодействие в процессе профессионального самоопределения;
- теория развития карьеры, рассматривающая карьеру как серию этапов, связанных с возрастными периодами человека;
- теория активного вовлечения, фокусирующаяся на вовлеченности индивида в конструирование нарратива о своем карьерном пути и разработке способов стимулирования индивида к созданию новых нарративов.

Наряду с традиционными инструментами профориентационной работы в последнее время активное распространение получила форсайт-технология (от англ. Foresight — «взгляд в будущее, предвидение»), направленная на прогнозирование и формирование картины будущего и позволяющая выработать возможные пути достижения поставленных целей [2].

В настоящее время разработано и используется множество инструментов форсайта таких как мозговые штурмы, дискуссии, сценарное планирование и моделирование и др., что позволяет не только изучать возможные картины будущего, но и развивать критическое мышление, творческий подход и навыки командной работы [6].

Одним из первых, кто использовал термин «Foresight» был известный писатель-фантаст Герберт Уэллс в 1902 году, выступая в Королевском институте (Royal Institution) с лекцией «Открытие будущего» (The Discovery of the Future). Основная мысль выступления заключалась в том, что будущее познаваемо, его можно предвидеть с помощью определенных научных методов [5].

Американский исследователь Бен Мартин использовал форсайт как инструмент для систематизации и долгосрочного планирования деятельности в научной области, экономики и развития общества [15].

Значимость применения форсайта в обучении и профориентации подчеркивают многие специалисты. В частности, кандидат педагогических наук Е. Л. Крутий рассматривает форсайт как технологию интерактивного взаимодействия в обучении, которая обеспечивает возможность развития у обучающихся способности решать будущие профессиональные задачи [10].

Надо понимать, что форсайт — это не прогнозирование в широком смысле и не написание готового сценария. Это возможность не только увидеть будущее, но и спроектировать её воплощение. Технология форсайт открыта абсолютно для всех и не накладывает ограничений на участников создания образа будущего [16].

Преимущество форсайт-технологии заключается в ее открытости к развитию творческого потенциала участников. Это означает, что итогом работы должна стать определенная концепция развития, вектор, определяющий направление работы на долгосрочную перспективу. Все участники форсайта вовлечены в обсуждение идей развития. Это коллективная работа, позволяющая генерировать все больше идей, находить совместные решения, которые в свою очередь помогают улучшить и развить собственные стратегии участников форсайта. Занятия с использованием форсайт-технологии могут проводиться как в урочной, так и во внеурочной деятельности.

Раскрывая свой творческий потенциал, участники форсайта предлагают свои образы будущего. Свобода мысли и отсутствие ограничений позволяет вовлекать в мыслительный и творческий процесс тех, кто раньше не мог самостоятельно определить свою роль в группе [7].

Говоря о форсайт-технологии, как правило, мы имеем в виду форсайт-сессии, которые ограничены по времени и по количеству участников. В форсайт-сессии совмещаются две позиции: совместное и будущее, т.е. участники договорились вместе о будущем и вместе к нему идут [17]. Поэтому главный вопрос, который стоит перед участниками форсайт-сессии, можно сформулировать так: «Что мы совместными усилиями должны сделать уже сейчас для того, чтобы прийти к желаемому варианту будущего?». Данный формат коммуникации позволяет участникам договориться по поводу образа будущего, а также, определив желаемый образ будущего, договориться о действиях в его контексте.

Перед участниками форсайта стоит непростая задача: важно не только создать образ будущего, но и найти оптимальное воплощение этого образа, визуальным результатом которого станет дорожная карта «Карта будущего» (или «карта времени»), на горизонтальной оси которой будут отмечены заданные временные рубежи, а на вертикальной — тренды — направления развития. Именно «карта времени» становится главным инструментом и полем работы участников форсайт-сессии.

Организация исследования

Цель: исследовать возможность применения форсайт технологии в профориентационной работе в довузовской образовательной организации Министерства обороны Российской Федерации.

Гипотеза: применение форсайт технологии влияет на качество профориентационной работы в довузовской образовательной организации Министерства обороны Российской Федерации: уровень военно-профессиональной мотивации будет выше у воспитанников, с которыми на протяжении года дополнительно проводился цикл занятий на основе метода форсайт-сессии.

Методы исследования

1) Опросник «Военно-профессиональная мотивация» (Б.В. Овчинников, А.Ф. Боровиков), предназначенный для определения уровня военно-профессиональной мотивации, интереса и склонности к военной службе в целом и к определенной военно-учетной специальности в частности. Опросник позволяет оценить 10 компонентов мотивации, сведенных в 10 шкал, 8 из которых отображают теоретические представления о структуре личности, 2 шкалы являются дополнительными, они отражают интересы и склонности к военной службе в целом и к определенной военной специальности в частности.

2) Опросник «Готовность к военно-профессиональной деятельности», разработанный в Московском суворовском военном училище. Опросник позволяет оценить уровень готовности к службе в Вооруженных силах Российской Федерации на офицерских должностях по 5 бальной шкале.

Дизайн исследования

Формирующий эксперимент. С целью проверки выдвинутой нами гипотезы и для дополнительного развития внутренней мотивации воспитанников к профессиональному самоопределению в военной сфере и повышения качества профориентационной работы было принято решение о проведении в течение учебного года с воспитанниками 10 и 11 классов цикла занятий «Я и армия будущего» на основе метода форсайт-сессии.

Предварительная работа с воспитанниками 5—9 классов показала, что с учетом достаточной сложности и специфики метода форсайт-сессии проведение таких занятий с ними преждевременно.

Роли модератора, менеджера и коммуникатора на занятиях взяли на себя педагоги-психологи. Временная перспектива — пять, десять и двадцать лет. Направлениями развития определены такие тренды, как: виды и рода войск, перспективные военные специальности, место офицера в военной системе. Управлением коммуникацией и содержанием сессий, общим ходом дискуссий и динамикой групп, подведением итогов мероприятий и проведением рефлексии также занимались педагоги-психологи.

В ходе проведения форсайт-сессий решались следующие задачи:

1. Развитие навыка универсальных учебных действий для дальнейшего самоопределения в профессиональной сфере и возможности сделать выбор, основываясь на приобретенных и сформированных ценностях, личностных особенностях.

2. Развитие регулятивных универсальных учебных действий: целеполагания, планирования, прогнозирования, саморегуляции.

3. Развитие коммуникативных универсальных учебных действий, позволяющих конструктивно взаимодействовать в коллективе.

4. Формирование военно-профессиональной ориентации, развитие навыков анализа информации, мышления, сочетания критического и творческого мышления.

Эмпирическая база

Воспитанники учебных курсов Московского суворовского военного училища, обучающиеся в 10 и 11 классах: экспериментальная группа (с которыми проводились дополнительные занятия с применением форсайт технологии) и контрольная группа.

Испытуемые: 161 человек. 10 класс: экспериментальная группа — 41 человек (два учебных взвода), контрольная группа — 41 человек (два учебных взвода); 11 класс: экспериментальная группа — 39 человек (два учебных взвода), контрольная группа — 40 человек (два учебных взвода).

Результаты исследования

В конце учебного года в 10 и 11 классах было проведено изучение и оценка основных компонентов общей и военно-профессиональной мотивации по данным опросника «Военно-профессиональная мотивация». Обработка результатов опроса контрольной и экспериментальных групп проводилась с использованием параметрического критерия Стьюдента (двухвыборочный t-критерий), позволяющего проверить гипотезу о равенстве генеральных средних двух независимых, несвязанных выборок. С этой целью нами были сформулированы две гипотезы:

— нулевая гипотеза H_0 : генеральные средние значения равны, разницы между результатами полученными в экспериментальной и контрольной группе нет;

— альтернативная гипотеза H_1 : генеральные средние значения различны, что подтверждает эффективность применения форсайт технологии.

Результаты представлены в Таблице 1.

Поскольку в обоих случаях (для 10 и 11 классов) при уровне значимости $p \leq 0.05$ и степенях свободы (79 и 77 соответственно) полученное в эксперименте значение $t_{эмп}$ превышает $t_{крит}$, мы можем отклонить нулевую гипотезу и сделать вывод о статистически значимых различиях между средними значениями двух выборок. Данный факт дает нам основания считать, что применение форсайт технологии в работе с воспитанниками экспериментальных групп дает преимущество в формировании военно-профессиональной мотивации.

Также с воспитанниками 10 и 11 классов с использованием опросника «Готовность к военно-профессиональной деятельности» была проведена оценка уровня готовности к службе в Вооруженных силах Российской Федерации на офицерских должностях. Результаты представлены в Таблице 2.

Чтобы подтвердить или опровергнуть статистически значимую тенденцию в сдвиге показателей уровня готовности к военно-профессиональной деятельности у воспитанников экспериментальных групп нами был применен непараметрический критерий хи-квадрат (χ^2) Пирсона.

Результаты исследования показывают, что в обоих случаях между факторным и результативным признаками существует статистически значимая связь на уровне значимости $p=0.033$ для 10 класса и $p=0.031$ для 11 класса, что меньше установленного уровня значимости $p=0.05$. Значения критерия (10,497 и 10,671) превышают критическое значение (9,488) при числе степеней свободы, равном 4, что подтверждает статистическую значимость связи. Согласно правилу принятия решений, для критерия χ^2 Пирсона, полученный результат дает достаточно оснований для отклонения нулевой гипотезы и принятия гипотезы об эффективности применения форсайт технологии.

Таблица 1

Значение уровней военно-профессиональной мотивации у воспитанников 10—11 классов по данным опросника «Военно-профессиональная мотивация»

Класс	Показатели	Экспериментальная группа				Контрольная группа			
		Стэны				Стэны			
		8—10	5—7	3—4	1—2	8—10	5—7	3—4	1—2
		Уровень военно-профессиональной мотивации							
	высокий	средний	ниже среднего	низкий	высокий	средний	ниже среднего	низкий	
11 класс	Количество воспитанников, n	31	7	1	-	20	16	4	-
	Среднее значение, $\bar{X}_{ср}$	9,31				8,2			
	Сумма квадратов отклонений, d^2	80,379				158,4			
	$t_{эмп}$					2,8			
	$t_{крит}^*$, при $p \leq 0.05$					1,99			
	$t_{крит}^*$, при $p \leq 0.01$					2,64			
10 класс	Количество воспитанников, n	28	9	4	-	15	15	9	2
	Среднее значение, $\bar{X}_{ср}$	8,76				7,33			
	Сумма квадратов отклонений, d^2	161,5616				236,776			
	$t_{эмп}$					2,9			
	$t_{крит}^*$, при $p \leq 0.05$					1,99			
	$t_{крит}^*$, при $p \leq 0.01$					2,64			

Таблица 2

Значение уровней мотивации к военно-профессиональной деятельности у воспитанников 10—11 классов по данным опросника «Готовность к военно-профессиональной деятельности»

Класс	Показатели	Экспериментальная группа					Контрольная группа				
		высокая	выше средней	средняя	ниже средней	низкая	высокая	выше средней	средняя	ниже средней	низкая
11 класс	Количество воспитанников, n	27	9	3	-	-	14	16	7	2	1
	Число степеней свободы, k	4									
	Критерий χ^2	10,671									
	Критерий $\chi^2_{крит}$, при $p=0.05$	9,488									
	Уровень значимости, p	0,031									
10 класс	Количество воспитанников, n	29	6	5	-	-	18	9	7	5	2
	Число степеней свободы, k	4									
	Критерий χ^2	10,497									
	Критерий $\chi^2_{крит}$, при $p=0.05$	9,488									
	Уровень значимости, p	0,033									

Обсуждение результатов исследования

Результаты проведенного исследования подтвердили гипотезу о влиянии занятий с применением форсайт-технологии на качество профориентационной работы в довузовской образовательной организации Министерства обороны Российской Федерации. Экспериментально доказано, что у воспитанников 10—11 классов с которым на протяжении года дополнительно проводился цикл занятий на основе метода форсайт-сессии показатели военно-профессиональной мотивации и готовности к военно-профессиональной деятельности выше, чем у воспитанников, с которыми такие занятия не проводились. В тоже время с учетом достаточной сложности метода форсайт-сессии проведение занятий с использованием данного метода с воспитанниками 5—9 классов не целесообразно.

Исходя из полученных результатов и с учетом возрастных особенностей полагается целесообразным профориентационную работу с воспитанниками выстраивать по трем направлениям:

— 5 класс — опрос «Что мне больше всего нравится в суворовском военном училище?», эссе «Я и моя будущая профессия», демонстрация кинофильмов и видеофильмов о военной профессии, организация встреч обучающихся с ветеранами Великой Отечественной войны и ветеранами боевых действий, Героями России и орденоносцами;

— 6—9 класс — профессиональные диагностики, направленные на определение будущей профессии, опрос «Мой выбор», проведение профориентационных деловых и ролевых игр и тренингов, индивидуальные и групповые психологические консультации, составление индивидуальной траектории успешной профессиональной деятельности, выездные мероприятия в военные ВУЗы Министерства обороны, профориентационные классные часы;

— 10—11 класс — участие воспитанников в проектно-исследовательской деятельности профориентационной направленности, встречи с представителями высших учебных заведений, проведение круглых столов с привлечением преподавателей училища и военных ВУЗов, посещение воспитанниками дня открытых дверей, проведение цикла занятий «Я и армия будущего» на основе метода форсайт-сессии, опросы «Военно-профессиональная мотивация» и «Готовность к военно-профессиональной деятельности».

В ходе форсайт-сессий суворовцы определяют направления тех изменений, которые, на их взгляд, произойдут в Вооруженных силах в заданные периоды и, исходя из этого, моделируют личный профессиональный выбор того или иного рода войск. Свою творческую работу воспитанники должны начинать с формирования представления о том, в каком направлении должно осуществляться развитие вооружения и техники, строительство Вооруженных сил в целом, каким требованиям должен соответствовать офицер будущего и какими профессионально-важными качествами он должен обладать. Далее проводится обсуждение роли армии в современном государстве и обществе, необходимость развития военной техники, перспективы создания новейших образцов вооружения и техники. Итогом работы суворовцев должны стать карты будущего армии России на определенные модераторами временные интервалы.

Заключение

Сегодня перед современной системой образования стоит одна из сложнейших, но в тоже время и приоритетных задач по воспитанию подрастающего поколения готового к выбору и принятию осознанного, конструктивного решения в выборе будущей профессии [3]. Современные стандарты образования ориентированы на внедрение активных форм обучения, благодаря которым формируются традиционные нравственные ценности, развивается активная гражданская позиция, происходит личностное развитие и самоопределение обучающихся. С учетом специфики довузовских образовательных учебных организаций Министерства обороны Российской Федерации рассмотренная нами форсайт технология позволяет творчески реализовывать инновационные методы обучения для организации профориентационной работы с суворовцами.

Использование такой активной формы работы способствует формированию у воспитанников творческой активности, развитию мотивации к обучению, возможности создать образ будущего и определить реперные точки саморазвития. Применение форсайт-технологии в профориентационной работе позволяет обучающимся не только определиться с выбором профессии, но и соотносить его с собственными интересами и способностями, что является важным для профессионального становления будущего офицера.

Результаты исследования показывают, что форсайт-сессии могут стать действенным инструментом в работе педагогического коллектива довузовских образовательных организаций Министерства обороны Российской Федерации, способствующим формированию профессионального самоопределения у сурововцев старших курсов.

Литература

1. *Асмолов А.Г.* Личность как предмет психологического исследования. М.: Просвещение, 1984. 248 с.
2. *Ахмедова Л.Т.* Методика использования форсайт технологии в учебно-воспитательном процессе ВУЗов [Электронный ресурс] / Л.Т. Ахмедова URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-ispolzovaniya-forsayt-tehnologii-v-uchebno-vospitatelnom-protssesse-vuzov> (дата обращения: 05.02.2024).
3. *Бесклубная А.В.* Формирование готовности старшеклассников к выбору профессии на современном этапе модернизации школьного образования / А.В. Бесклубная, Е.Е. Щербакова // Приволжский научный журнал / Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. Н. Новгород, 2012. № 3. С. 226—230.
4. *Зеер Э.Ф.* Профориентология: теория и практика: учеб. пособие для высш. шк. / Э.Ф. Зеер, А.М. Павлова, Н.О. Садовникова. Москва: Акад. Проект; Фонд «Мир», 2008. 192 с.
5. *Каньин К.* Форсайт науки, технологий и инноваций в Бразилии / Журнал «Форсайт» // 2014. Т. 8, № 2. С. 46—53.
6. *Коричин Д., Стасова Е., Щукин Т.* Методология Rapid Foresight 0.4 [Электронный ресурс]. М: Агентство стратегических инициатив, 2017. 90 с. URL: https://xn--80aacacvtbthqmh0dxl.xn--p1ai/assets/files/documents/foresight_0.4_2017.pdf (дата обращения: 05.02.2024).
7. *Клейтон Э.* Технологические дорожные карты: инструменты для развития // Форсайт. 2008. № 3. С. 68—74. DOI:10.17323/1995-459X.2008.3.68.74
8. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения. — М.: Академия, 2012. 304 с.
9. *Крутецкий В.А.* Основы педагогической психологии. — М.: Просвещение, 1972. 253 с.
10. *Крутий Е.Л.* Инновационная «форсайт-игра» в практике подготовки будущих учителей начальных классов / Е.Л. Крутий // Проблемы современного педагогического образования. 2014. № 44—1. С. 25—31.
11. *Макаренко А.С.* Собрание сочинений в 4-х томах. М: Правда, 1987. 573 с.
12. *Пряжников Н.С.* Профессиональное самоопределение. Теория и практика. М.: Академия, 2008. 320 с.
13. *Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю.* Игры и методики для профессионального самоопределения старшеклассников. М.: Первое сентября, 2004. 224 с.
14. *Пряжников Н.С.* Профессиональное самоопределение: теория и практика. М.: «Академия», 2007. 501 с.
15. *Соколов А.В.* Форсайт: взгляд в будущее / Журнал «Форсайт» // 2007. Т. 1, № 1. С. 8—15. DOI:10.17323/1995-459X.2007.1.8.15
16. *Ушакова М.А.* Организация форсайт-сессий как условие проведения профориентационной работы / М.А. Ушакова, Л.И. Гуляева. Нижний Тагил: ГАОУ ДПО НТФ ИРО, 2016. 39 с.
17. *Чуланова О.Л.* Форсайт-сессии как инновационный инструмент стратегического управления и работы проектных команд / О.Л. Чуланова // Материалы Афанасьевских чтений. 2018. № 1(22). С. 28—36.

18. Holland, J.L. (1996). Exploring careers with a typology: What we have learned and some new directions. *American Psychologist*, pp.397—406. DOI:10.1037/0003-066X.51.4.397
19. Rottinghaus P.J., Hees C.K., Conrath J.A. Enhancing job satisfaction perspectives: Combining Holland themes and basic interests // *Journal of Vocational Behavior*. 2009. Vol. 75. DOI:10.1037/e638762009-001
20. Savickas M.L., Porfeli E.J., Hilton T.L., Savickas S. (2018) The student career construction inventory // *Journal of Vocational behavior*. 2018. Vol. 106, pp. 138—152. DOI:10.1016/j.jvb.2018.01.009
21. Super D.E. (1953). A theory of vocational development. *American Psychologist*, Vol. 8(5), pp. 185—190. DOI:10.1037/h0056046

References

1. Asmolov A.G. Lichnost' kak predmet psikhologicheskogo issledovaniya [Personality as a subject of psychological research]. Moscow, Education Publ, 1984. 248 p.
2. Akhmedova L.T. Metodika ispol'zovaniya forsayt tekhnologii v uchebno-vospitatel'nom protsesse VUZov [Methods of using foresight technology in the educational process of universities]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-ispolzovaniya-forsayt-tehnologii-v-uchebno-vospitatelnom-protsesse-vuzov.phtml> (Accessed 05.02.2024).
3. Besklubnaya A.V. Formirovaniye gotovnosti starsheklassnikov k vyboru professii na sovremennom etape modernizatsii shkol'nogo obrazovaniya [Formation of readiness of high school students to choose a profession at the present stage of modernization of school education]. *Privolzhskiy nauchnyy zhurnal=Privolzhsky Scientific Journal*, 2008. no. 3, pp. 226—230.
4. Zeyer E.F. Proforiyentologiya: teoriya i praktika: ucheb. posobiye dlya vyssh. shk [Career guidance: theory and practice: textbook. allowance for higher education school]. Moscow: Acad. Project, Foundation «Mir» Publ, 2008. 192 p.
5. Kanin K. Forsayt nauki, tekhnologii i innovatsiy v Brazii [Foresight of science, technology and innovation in Brazil]. *Forsayt=Foresight*, 2014. Vol. 8, no. 2, pp. 46—53.
6. Korichin D., Stasova Ye., Shchukin T. Metodologiya Rapid Foresight 0.4 [Elektronnyy resurs] [Rapid Foresight methodology 0.4]. Moscow, Agency for Strategic Initiatives Publ, 2017. 90 p. URL: https://xn--80aacacvtbthqmh0dxl.xn--p1ai/assets/files/documents/forsight_0.4_2017.pdf (Accessed 5.02.2024).
7. Kleyton E. Tekhnologicheskiye dorozhnyye karty: instrumenty dlya razvitiya [Technological road maps: tools for development]. *Forsayt=Foresight*, 2008. no. 3, pp. 68—74. DOI:10.17323/1995-459X.2008.3.68.74.
8. Klimov Ye.A. Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya [Psychology of professional self-determination]. Moscow, Academy Publ, 2012. 304 p.
9. Krutetskiy V.A. Osnovy pedagogicheskoy psikhologii [Fundamentals of educational psychology]. Moscow, Education Publ, 1972. 253 p.
10. Krutiy E.L. Innovatsionnaya «forsayt-igra» v praktike podgotovki budushchikh uchiteley nachal'nykh klassov [Innovative “foresight game” in the practice of training future primary school teachers]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya=Problems of modern pedagogical education*, 2014, no. 44—1, pp. 25—31.
11. Makarenko A.S. Sobraniye sochineniy v 4-kh tomakh [Collected works in 4 volumes]. Moscow, Pravda Publ, 1987. 573 p.
12. Pryazhnikov N.S. Professional'noye samoopredeleniye. Teoriya i praktika [Professional self-determination. Theory and practice]. Moscow, Academy Publ, 2008. 320 p.
13. Pryazhnikov N.S., Pryazhnikova Ye.YU. Iгры i metodiki dlya professional'nogo samoopredeleniya starsheklassnikov [Games and techniques for professional self-determination of high school students]. Moscow, First September Publ, 2004. 224 p.
14. Pryazhnikov N.S. Professional'noye samoopredeleniye: teoriya i praktika [Professional self-determination: theory and practice]. Moscow, Academy Publ, 2007. 501 p.
15. Sokolov A.V. Forsayt: vzglyad v budushcheye [Foresight: a look into the future]. *Forsayt=Foresight*, 2007, Vol. 1, no. 1, pp. 8—15. DOI:10.17323/1995-459X.2007.1.8.15.

Анцибор Ю.А. Применение форсайт-технологии в профориентационной работе с воспитанниками довузовских образовательных организаций... Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Том 1. № 1. С. 15—25.

Antsibor Y.A. Application of Foresight Technology in Vocational Guidance Work with Students of Pre-university Educational Institutions Ministries of Defense... Extreme Psychology and Personal Safety. 2024. Vol. 1, no. 1, pp. 15—25.

16. Ushakova M.A. Organizatsiya foresayt-sessiy kak usloviye provedeniya proforiyentatsionnoy raboty [Organization of foresight sessions as a condition for carrying out career guidance work]. Nizhny Tagil, GAOU DPO NTF IRO Publ, 2016. 39 p.

17. Chulanova O.L. Forsayt-sessii kak innovatsionnyy instrument strategicheskogo upravleniya i raboty proyektnykh komand [Foresight sessions as an innovative tool for strategic management and the work of project teams]. *Materialy Afanas 'yevskikh chteniy=Materials of the Afanasyev Readings*, 2018. no. 1(22), pp. 28—36.

18. Holland, J.L. (1996). Exploring careers with a typology: What we have learned and some new directions. *American Psychologist*, pp.397—406. DOI:10.1037/0003-066X.51.4.397.

19. Rottinghaus P.J., Hees C.K., Conrath J.A. Enhancing job satisfaction perspectives: Combining Holland themes and basic interests // *Journal of Vocational Behavior*. 2009. Vol. 75. DOI:10.1037/e638762009-001

20. Savickas M.L., Porfeli E.J., Hilton T.L., Savickas S. (2018) The student career construction inventory // *Journal of Vocational behavior*. 2018. Vol. 106, pp. 138—152. DOI:10.1016/j.jvb.2018.01.009.

21. Super D.E. (1953). A theory of vocational development. *American Psychologist*, Vol. 8(5), pp. 185—190. DOI:10.1037/h0056046

Информация об авторах

Анцибор Юлия Анатольевна, кандидат психологических наук, заведующий отделом воспитательной работы, Московское суворовское военное училище Министерства обороны Российской Федерации (ФГКОУ МССВУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0918-3710>, e-mail: antsibor-yulia@mail.ru

Information about the authors

Yulia A. Antsibor, PhD (Psychology), Head of the Department of educational work, Moscow Suvorov Military School of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1122>, e-mail: antsibor-yulia@mail.ru

Получена 14.03.2024

Received 14.03.2024

Принята в печать 29.05.2024

Accepted 29.05.2024

Арт-терапия в формате стресс-преодолевающего поведения в условиях организации творческой работы студентов

Деулин Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0001-6517-5061, e-mail: ddeulin@yandex.ru

Петров В.Е.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0001-7854-4807, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Авторы научной публикации в условиях организации творческой работы студентов изучают влияние арт-терапии на последствия стрессового воздействия. С целью экспериментального подтверждения влияния элементов изобразительного искусства на психоэмоциональное благополучие студентов (снижение уровня стресса), авторами проведено эмпирическое исследование на выборке студентов Московского государственного психолого-педагогического вуза. Всего в исследовании приняли участие 82 испытуемых. В качестве основных методов авторы используют наблюдение, опрос, анализ учебной и научной литературы, формализованные методы: шкалу психологического стресса PSM25 (шкала психологического стресса Лемура-Тесье-Филлиона) и «Шкалу субъективной комфортности А. Леоновой». Математическими критериями выступали непараметрический U-критерий Манна-Уитни и T-критерий Вилкоксона. Основное заключение исследовательской работы сводится к констатации факта влияния изотерапевтических занятий на уровень стресса и субъективной комфортности обучающихся.

Ключевые слова: негативные эмоциональные состояния, стресс, травматический стресс, арт-терапия, изотерапия, студенты, образовательная среда, творческая работа.

Для цитаты: Деулин Д.В., Петров В.Е. Арт-терапия как разновидность стресс-преодолевающего поведения в условиях организации творческой работы студентов [Электронный ресурс] // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Том 1. № 1. С. 26—33. DOI: <https://doi.org/10.17759/epps.2024010103>

Art therapy in the format of stress-overcoming behavior in the context of organizing students' creative work

Dmitry D. Deulin

Moscow State Psychological and Pedagogical University (FSBEI HE MGPPU), Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6517-5061>, e-mail: ddeulin@yandex.ru

Vladislav V. Petrov

Moscow State Psychological and Pedagogical University (FSBEI HE MGPPU), Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

The authors of a scientific publication in the context of organizing creative work for students, the authors study the influence of art therapy on the consequences of stress. In order to experimentally confirm the influence of elements of fine art on the psycho-emotional well-being of students (reducing stress levels), the authors conducted an empirical study on a sample of students from the Moscow State Psychological and Pedagogical University. A total of 82 subjects took part in the study. As the main methods, the authors use observation, survey, analysis of educational and scientific literature, formalized methods: the PSM25 psychological stress scale (Lemur-Tesier-Fillion psychological stress scale) and the «A. Leonova Subjective Comfort Scale». The mathematical criteria were the nonparametric Mann-Whitney U test and the Wilcoxon T test. As part of the study, the authors come to the conclusion that isotherapy is an effective tool for reducing stress and increasing the subjective comfort of students.

Keywords: negative emotional states, stress, traumatic stress, art therapy, isotherapy, students, educational environment, creative work.

For citation: Deulin D.V., Petrov V.E. Art therapy as a type of stress-overcoming behavior in the organization of creative work of students. *Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti = Extreme Psychology and Personal Safety*, 2024. Vol. 1, no. 1, pp. 26—33. DOI: <https://doi.org/10.17759/epps.2024010103>

Введение

Человечество переживает сложный исторический этап своего развития. Мы можем констатировать слом прежнего мироустройства с ревизией шкалы традиционных ценностей, началом глобальных военных конфликтов, социально-экономической рецессией, увеличением риска техногенных катастроф, распространением опасных заболеваний в форме эпидемий и пандемий, увеличением угроз в сфере экологической безопасности, климатические бедствия и т.д. Важным событием в сфере образовательных услуг сегодня является технологический переход, выражающийся в развитии принципиально новых цифровых технологий.

Под влиянием этих многочисленных факторов психика человека испытывает колоссальную нагрузку. Обучающиеся в высших образовательных организациях вынуждены адаптироваться под новые образовательные стандарты, переживать стресс-испытания от трансформации образовательных сред, процесса изучения цифрового пространства и освоения передовых электронных средств обучения, учиться новой коммуникации и т.д. Стрессоры оказывают негативное воздействие на психическое здоровье студентов, приводят к психосоматическим осложнениям, трудностям в обучении: снижению посещаемости и успеваемости и др. В связи с этим актуализируется проблема поиска и внедрения методов преодоления стресса.

На наш взгляд, эффективной может быть творческая работа студентов, в том числе и самозанятость в форме творческой инерции. Ведь именно она является составной частью учебной деятельности и процесса воспитания. Творческий процесс не требует дополнительных усилий в сфере организационных мероприятий, поскольку органично включен в образовательный процесс.

Теоретико-методологические основы исследования

Проблема стрессового давления изучается разными научными направлениями и школами. Как отмечает Н.Е. Водопьянова, привлечение внимания ученых и практиков к проблемам управления организационными и профессиональными стрессами связано с очевидными потребностями в новых технологиях развития стрессоустойчивости и стабильности персонала [2]. Существует разное понимание проблемы стресса, в целом под ним понимают все раздражители (физические, социально-психологические), которые вызывают состояние высокой напряженности, физического и психического дискомфорта, душевного потрясения и другие стресс-эффекты [2, с. 8]. Стрессоры могут быть физиологическими или психологическими.

В настоящее время в большей степени студенты подвержены второму виду стрессоров. Как отмечают М.А. Одинцова и Н.Л. Захарова психологические стрессоры связаны с информационной перегрузкой, соревнованиями, угрозой социальному статусу, самооценке, благополучию, ближайшему окружению и др. [9, с. 11]. Комплекс психических состояний при стрессе включает в себя следующие группы: психические состояния, связанные с процессом восприятия и когнитивной переработкой информации стресс-фактора (тревога, отчаяние, раздражение, разочарование, страх, фрустрация, эйфория, возбуждение, монотония и др.); переживания психологической адаптации (тревога, напряженность, интерес и др.); психические состояния, возникающие при мобилизации ресурсов организма (установка, бодрствование, мотивационные состояния и др.); эмоциональные состояния процесса психологической дезадаптации (утомление, депривация и др.) [9, с. 12].

Безусловно, такие состояния крайне негативно отражаются на результатах обучения, приводят к снижению посещаемости занятий, негативному изменению академической успеваемости, в целом учебной мотивации и др.

Вместе с тем, в многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях представлены результаты влияния арт-терапии на психоэмоциональное состояние различных категорий обследуемых лиц. В частности, как известно, стресс может обуславливать профессиональное выгорание. В этом случае групповые занятия арт-терапией, в рамках которых используется творческая художественная и пластическая активность для выражения проблематики как отдельных членов группы, так и группы в целом.

Рисунки предоставляют разнообразную информацию о членах группы, которая подвергается рассмотрению и интерпретации [10, с. 163]. В этом случае арт-терапия рассматривается как стресс-преодолевающее поведение, как механизм психологической защиты от неблагоприятных факторов. А.В. Либина в своей работе указывает на то обстоятельство, что в целях конструктивного или защищенного способов решения психологических проблем возникает феномен совладающего поведения [8, с. 22].

В некоторых случаях человек, переживающий негативные эмоциональные состояния может спонтанно рисовать графические объекты, бессознательно с применением такой психомоторной реакции преодолевать стресс. Как пишет З. Фрейд иногда защитный механизм актуализируется автоматически и неосознанно в попытке достичь разрешения эмоционального конфликта, освобождения от эмоционального напряжения и облегчения тревожности [11, с. 6].

В рамках творческой работы можно использовать содержание арт-терапевтических технологий (изотерапия, сказкотерапия, музыкотерапия, драматерапия, куклотерапия, танцотерапия). Данная технология ориентирована на взаимодействие обучающихся как между собой, так и с воспитателем, где может происходить самопознание, самовыражение, активизируется собственный потенци-

ал личности через продукт художественной деятельности, осознающий общность и различие своего «Я» в мире других.

В целях повышения уровня самовыражения, саморазвития, утверждения и самопознания студенты могут в том числе эксплуатировать коррекционный потенциал арт-терапии. Этот процесс положительно отзывается также — в случае успеха — и на самооценке и самопризнании непосредственно педагога. [1, с. 43]. В своих исследованиях мы уже показывали роль изотерапии в учебном процессе. Этот инструмент позволяет проводить диагностику и самодиагностику; удовлетворяет эстетические потребности; осуществляет психокоррекцию; обеспечивает развитие когнитивных функций; формирует общепрофессиональные и универсальные компетенции у обучающихся [4].

А.И. Копытин демонстрирует эффективность применения арт-терапевтических технологий даже в борьбе с последствиями травматического стресса. В своей работе он утверждает, что занятия арт-терапевтическим процессом способствует когнитивному переформатированию и рефлексии личных переживаний благодаря их богатому метафизическому содержанию в виде метафор, символизма и образов [5, с. 172]. В рамках предыдущих исследований мы также смотрели влияние творческой самодеятельности на уровень психоэмоционального благополучия студентов [7, с. 282—295].

Таким образом, мы наблюдаем теоретическую разработанность проблемы применения психопрактик в форме арт-терапии в преодолении негативных эмоциональных состояний.

Организация и методология исследования

Наше исследование предполагало проведение пилотажного эксперимента с целью верификации гипотезы о положительном воздействии изотерапевтического инструментария на эмоциональный регистр обучающихся (значительное снижение уровня стресса). Всего в исследовании принимало участие 82 студента из Московского государственного психолого-педагогического университета (далее — МГППУ). Средний возраст испытуемых составил 20 лет (рисунок 1). Основное предположение базировалось на факте того, что существуют гендерные различия эмоционального реагирования и восприятия «эстетических стандартов». Девушки проявляют большую чувствительность к творчеству, канонам прекрасного и так далее. Это обстоятельство определяет обоснованность нашей выборки.

Рис. 1. Соотношение по половому признаку испытуемых в рамках исследования

Испытуемыми являлись студенты факультета экстремальной психологии МГППУ (с 1 по 4 курс обучения), которых мы рандомизировано разделили на контрольную и экспериментальную группы. Объем контрольной группы составил 40 человек, экспериментальной — 42 человека. Основными исследовательскими методами выступали: методика «Шкала субъективной комфортности А. Леоновой» [6] и Шкала психологического стресса PSM-25 [3]. В качестве методов математической статистики использовались: оценка различий в группах по U-критерию Манна-Уитни, частотный анализ, описательная статистика и оценка сдвига в группах по T-критерию Вилкоксона.

Анализ результатов исследования

Научное исследование состояло из следующих этапов:

1. Пре-тестовая сессия психического состояния испытуемых с помощью «Шкалы субъективной комфортности А. Леоновой» и Шкалы психологического стресса PSM-25 (Таблица 1). Основу экспериментальной выборки составили студенты, вовлеченные во внеучебную работу (проявление творческой активности, посещение выставок, галерей, создание коллажа, плакатов, элементов рисунков и др.). Организация такой работы предполагала использование как классических изобразительных средств выражения своей творческой направленности (бумага, аппликация, применение красок, мастихина, цветных карандашей и ватмана), так и современных цифровых (программных продуктов изобразительного творчества). Специально задавалась тематика такой работы (День Победы, праздник 8 Марта, 23 Февраля, конкурс лучшего рисунка на обложку журнала факультета и т.п.)

Рис. 2. Пример «цифровой живописи» студентки Окопной Дарьи для конкурса лучшей обложки на журнал «Экстремальная психология и безопасность личности»

Такие мероприятия проводились регулярно со студентами в групповых формах, где каждый участник выполнял определенную функцию, был приобщен к творческому процессу. Обучающиеся в рамках внеучебной деятельности погружались в социокогнитивную ситуацию со сменой обстановки с формальной на неформальную. Студенты могли на больших ватманах или экранах планшетов (компьютеров) выражать свои переживаемые эмоции, перерабатывать и рефлексировать их в своем творчестве (Рисунок 2). Эксперимент проводился в течение 9 месяцев (исследование носило

лонгитюдный характер), в том числе в зачетно-экзаменационный период (в предположении о значимом стрессогенном воздействии на обучающихся).

2. По итогам таких мероприятий была проведена пост-тестовая «сессия». Также использовались: «Шкала субъективной комфортности А. Леоновой» и Шкала психологического стресса PSM-25. Для удобства обработки данных все результаты были приведены к шкале стэнов. Для оценки эквивалентности контрольной (группа 1) и экспериментальной (группа 2) групп применялся непараметрической U-критерий Манна-Уитни. Для показателя выраженности психологического стресса сумма рангов в группах составила — 1603,5 (гр. 1) и 1799,5 (гр. 2) единиц, для индикатора субъективной комфортности — 1618,5 и 17,84,5, соответственно. Фактические значения U-критерия по исходным данным — 783,5 ($p=0,59$) и 798,5 ($p=0,697$), что показало отсутствие статистически значимых различий в группах и возможность их участия в эксперименте.

В рамках проведенного исследования был установлен ряд фактов. Психическое состояние обучающихся в контрольной группе в данных пре- и пост-тестов статистически значимо не изменилось (отсутствуют статистические сдвиги, табл. 1, 2).

В экспериментальной группе, напротив, существенно изменились показатели по результатам пост-теста. По шкале «Психологического стресса» уровень стресса заметно снизился. По методике «Шкала субъективной комфортности» преобладающая часть значений повысилась с низкого уровня субъективной комфортности до сниженного уровня или приемлемого уровня. Студенты, которые имели приемлемый уровень по результатам пре-теста, демонстрировали высокий уровень субъективной комфортности по окончании эксперимента (табл. 1, 2).

Таблица 1

Описательная статистика показателей в контрольной и экспериментальной группах

Показатель	Среднее	СКО
КОНТРОЛЬНАЯ ГРУППА		
Шкала психологического стресса (до эксперимента)	5,225	1,804
Шкала психологического стресса (после эксперимента)	5,300	1,324
Шкала субъективной комфортности (до эксперимента)	4,400	1,945
Шкала субъективной комфортности (после эксперимента)	4,600	1,277
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ГРУППА		
Шкала психологического стресса (до эксперимента)	5,452	1,811
Шкала психологического стресса (после эксперимента)	4,310	1,220
Шкала субъективной комфортности (до эксперимента)	4,571	1,915
Шкала субъективной комфортности (после эксперимента)	5,762	1,559

В качестве методов математико-статистической обработки данных для оценки эффективности арт-терапевтического воздействия на психоэмоциональное влияние студентов применялся T-критерий Вилкоксона.

Таблица 2

Сравнение сдвигов в контрольной и экспериментальной группах

Показатель	T-критерий	P	T-критерий	P
Шкала психологического стресса	253	0,614	75	0,001
Шкала субъективной комфортности	276	0,504	74	0,001

Статистически значимые сдвиги на уровне $p=0,001$ установлены по обоим диагностическим измерениям — в экспериментальной группе у студентов снизилась выраженность психологического стресса ($T_{\text{эмп}}=75$) и возросла субъективная комфортность ($T_{\text{эмп}}=74$). Несмотря на некоторую позитивную динамику соответствующих показателей (табл. 2) в контрольной группе статистически

значимых изменений не отмечено. Можно предположить, что личностные ресурсы и «время» позволяют корректировать психоэмоциональное состояния студентов, но этого явно недостаточно для преодоления стрессовой проблематики.

Поскольку изменения произошли только экспериментальной группе, можно сделать вывод о том, что средства изобразительного искусства оказывают позитивное (гармонизирующее) влияние на психоэмоциональное состояние студентов в период обучения в условиях интенсивного стрессового воздействия, а именно — снижается выраженность субъективного восприятия психологического стресса и повышается уровень психологической комфортности.

Выводы

Наша исследовательская работа продемонстрировала важность внедрения в психолого-педагогический арсенал изотерапевтической методики. Именно использование этого метода позволяет серьезно амортизировать стрессовую нагрузку, формировать копинг-ресурс для продуктивной образовательной деятельности. Увлечение студентов креативной активностью, которая определенно имеет творческую выраженность, определяет развитие их компетенций в процессе обучения, повышает индекс академической успеваемости, посещаемости учебных занятий, учебной мотивации. Мы считаем, что изотерапия может стать элементом психологического совершенствования качества учебной деятельности.

Литература

1. Артпедагогика и арттерапия в специальном и инклюзивном образовании: учебник для вузов / Е.А. Медведева [и др.] / под ред. Е.А. Медведевой. 2-е изд., испр. и доп. [Электронный ресурс]. М.: Юрайт, 2023. 274 с. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/515317/p.43> (дата обращения: 01.02.2024).
2. Водопьянова Н.Е. Стресс-менеджмент: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 283 с.
3. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
4. Деулин Д.В., Усачева И.В. Использование элементов живописи в системе психолого-педагогического преодоления негативных эмоциональных состояний у курсантов образовательных организаций системы МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 295—300.
5. Копытин А.И. Методы арт-терапии в преодолении последствий травматического стресса. М.: Когито-Центр, 2014. 208 с.
6. Леонова А.Б. Комплексная методология анализа профессионального стресса: от диагностики к профилактике и коррекции // Психологический журнал. 2004. № 2. С. 75-85.
7. Личностные ресурсы антистарения: монография / кол. авторов; общ. ред. Т.Н. Березиной, А.В. Литвиновой. М.: РУСАЙН. 2024. 322 с.
8. Либина А.В. Психология совладания: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2024. 318 с.
9. Одинцова М.А., Захарова Н.Л. Психология стресса: учебник и практикум для вузов. М.: Изд-во Юрайт, 2024. 291 с.
10. Профилактика профессиональных деформаций в системе социальной работы: учебное пособие для вузов / М.В. Воронцова [и др.]; под редакцией М.В. Воронцовой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 244 с.
11. Фрейд З. Введение в психоанализ. М.: АСТ, 2019. 608 с.

References

1. Artpedagogika i artterapiya v spetsial'nom i inklyuzivnom obrazovanii: uchebnik dlya vuzov [Art pedagogy and art therapy in special and inclusive education: a textbook for universities] E.A. Medvedeva [i dr.]; pod red.

1. E.A. Medvedevoi. 2-e izd., ispr. i dop. [Elektronnyi resurs]. Moscow: Yurait, 2023. 274 p. Obrazovatel'naya platforma Yurait [sait]. URL: <https://urait.ru/bcode/515317/p.43> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
2. Vodop'yanova N.E. Stress-menedzhment: uchebnik dlya vuzov. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: Izd-vo Yurait, 2023. 283 p.
3. Vodop'yanova N.E. Psikhodiagnostika stressa. [Psychodiagnosics of stress]. SPb.: Piter, 2009. 336 p.
4. Deulin D.V., Usacheva I.V. Ispol'zovanie elementov zhivopisi v sisteme psikhologo-pedagogicheskogo preodoleniya negativnykh emotsional'nykh sostoyanii u kursantov obrazovatel'nykh organizatsii sistemy MVD Rossii. [The use of elements of painting in the system of psychological and pedagogical overcoming of negative emotional states among cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia] *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii=Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. № 3. p. 295—300.
5. Kopytin A.I. Metody art-terapii v preodolenii posledstviy travmaticheskogo stressa. [Methods of art therapy in overcoming the consequences of traumatic stress]. M.: Kogito-Tsentr, 2014. 208 p.
6. Leonova A.B. Kompleksnaya metodologiya analiza professional'nogo stressa: ot diagnostiki k profilaktike i korrektsii. [Comprehensive methodology for analyzing professional stress: from diagnosis to prevention and correction] *Psikhologicheskii zhurnal=Psychological Journal*. 2004. № 2. p. 75—85.
7. Lichnostnye resursy antistareniya [Personal resources of anti-aging]: monografiya. kol.avtorov; obshch. red. T.N. Berezinoi, A.V. Litvinovoi. Moskva: RUSAIN. 2024. 322 p.
8. Libina A.V. Psikhologiya sovladaniya: uchebnoe posobie dlya vuzov. [Psychology of coping: a textbook for universities] A.V. Libina. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Izdatel'stvo Yurait, 2024. 318 p.
9. Odintsova M.A., Zakharova N.L. Psikhologiya stressa: uchebnik i praktikum dlya vuzov [Psychology of stress: textbook and workshop for universities]. Moskva: 2023. 291 p.
10. Profilaktika professional'nykh deformatsii v sisteme sotsial'noi raboty [Prevention of professional deformations in the system of social work]: uchebnoe posobie dlya vuzov. M. V. Vorontsova [i dr.]; pod redaktsiei M. V. Vorontsovoi. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Izdatel'stvo Yurait, 2023. 244 p.
11. Freid Z. Vvedenie v psikhoanaliz [Introduction to psychoanalysis]. M.: AST, 2019. 608 p.

Информация об авторах

Деулин Дмитрий Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета экстремальной психологии, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6517-5061>, e-mail: ddeulin@yandex.ru

Петров Владислав Евгеньевич, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Information about the authors

Dmitry V. Deulin, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of Moscow State University of Psychology and Education Moscow, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6517-5061>, e-mail: ddeulin@yandex.ru

Vladislav E. Petrov, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of MSUPE Moscow State University of Psychology and Education Moscow, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Получена 14.03.2024

Принята в печать 29.05.2024

Received 14.03.2024

Accepted 29.05.2024

Профессиональное выгорание педагогов средней школы в условиях террористической угрозы

Сенаторова Е.Н.

Клиентская служба (на правах отдела) в г. Валуйки Белгородской области,
г. Валуйки, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1935-0303>, e-mail: elena.senatorova2021@gmail.com

Балан А.С.

Муниципальное общеобразовательное учреждение «Принцевская средняя
общеобразовательная школа» (МОУ «Принцевская СОШ»),
д. Принцевка, Белгородская обл., Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4791-6313>, e-mail: basandbees31@gmail.com

Гацуцын В.В.

Областное государственное автономное профессиональное образовательное учреждение
«Валуйский колледж» (ОГАПОУ «Валуйский колледж»), г. Валуйки, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1352-6500>, e-mail: beluno@belregion.ru

Аннотация: В статье изучаются особенности профессионального выгорания и увлеченности работой у педагогов из двух регионов: региона с бессрочным высоким (желтым) уровнем террористической опасности и обычного региона. Испытуемые: 29 человек. 1 группа: 10 человек — педагогов школы из региона с террористической угрозой, 20 % мужчины, 80% женщины, средний возраст: 49,5 лет. 2 группа; 19 человек из региона с отсутствием террористической угрозы, 16% мужчины, 84%- женщины, средний возраст: 41,2 года. Методы: Опросник «Утрехтская шкала увлеченности работой» в адаптации Д.А. Кутузовой, Опросник выгорания Маслач в российской адаптации, U-критерия Манна-Уитни для несопряженных групп. Результаты: желтый уровень террористической опасности в регионе оказывает влияние на работу образовательных организаций (часть занятий проходят дистантно, увеличивается нагрузка, связанная с обеспечением безопасности учебного заведения). Однако различий по показателям увлеченности работой (энтузиазма, энергичности, вовлеченности) между педагогами разных регионов обнаружено не было. Различия по общему профессиональному выгоранию и показателям эмоционального истощения и деперсонализации также отсутствуют. Редукция профессиональных достижений у педагогов из региона с террористической опасностью достоверно ниже. Выводы: террористическая опасность, действующая в течение полугода, не оказывает непосредственного влияния на профессиональное выгорание и увлеченность работой педагогов региона. Возможно, она соответствует первой стадии развития стресса (тревоги), когда происходит мобилизации внутренних ресурсов. Педагогам необходима психологическая поддержка, чтобы предотвратить развитие более глубоких стадий стресса.

Ключевые слова: террористическая опасность, психологическая безопасность, безопасность образовательной среды, профессиональное выгорание, увлеченность работой, педагогическая деятельность.

Сенаторова Е.Н., Балан А.С., Гацуцын В.В.
Профессиональное выгорание педагогов средней школы
в условиях террористической угрозы
Экстремальная психология и безопасность личности.
2024. Том 1. № 1. С. 34—43.

Senatorova E.N., Balan A.S., Gatsutsyn V.V.
Professional burnout of secondary school teachers under
conditions of a terrorist threat
Extreme Psychology and Personal Safety.
2024. Vol. 1, no. 1, pp. 34—43.

Благодарности: Авторы благодарят за помощь в проведении исследования профессора Татьяну Николаевну Березину.

Для цитаты: Сенаторова Е.Н., Балан А.С., Гацуцын В.В. Профессиональное выгорание педагогов средней школы в условиях террористической угрозы [Электронный ресурс] // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Том 1. № 1. С. 34—43. DOI: <https://doi.org/10.17759/epps.2024010104>

Professional burnout of secondary school teachers under conditions of a terrorist threat

Elena N. Senatorova

Customer Service (as a department) in Valuyki, Belgorod region, Valuiki, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1935-0303>, e-mail: elena.senatorova2021@gmail.com

Alexander S. Balan

Municipal educational institution “Printsevskaya Secondary School”
(MOU “Printsevskaya Secondary School”), Printsevka village, Belgorod region, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4791-6313>, e-mail: basandbees31@gmail.com

Vladislav V. Gatsutsyn

Regional State Autonomous Professional Educational Institution Valuysky College
(OGAPOU Valuysky College), Deputy Director, Valuyki, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1352-6500>, e-mail: beluno@belregion.ru

This study aims to clarify the methodological status of the category “activity experience”. The characteristics of professional burnout and work passion among teachers from two regions are studied: a region with an indefinitely high (yellow) level of terrorist threat and a regular region. Subjects: 29 people. Group 1: 10 people — school teachers from a region with a terrorist threat, 20% men, 80% women, average age: 49.5 years. Group 2; 19 people from a region with no terrorist threat, 16% men, 84% women, average age: 41.2 years. Methods: Questionnaire “Utrecht Work Engagement Scale” adapted by D.A. Kutuzova, Maslach Burnout Questionnaire in Russian adaptation), Mann-Whitney U-criteria for unmatched groups. Results: the yellow level of terrorist threat in the region has an impact on the work of educational organizations (some classes are held remotely, the load associated with ensuring the safety of the educational institution increases). However, no differences were found in indicators of work passion (enthusiasm, energy, involvement) between teachers in different regions. There are also no differences in overall professional burnout and indicators of emotional exhaustion and depersonalization. The reduction in professional achievements among teachers from a region with a terrorist threat is significantly lower. Conclusions: the terrorist threat that lasts for six months does not have a direct impact on professional burnout and work commitment of teachers in the region. Perhaps it corresponds to the first stage of stress (anxiety) development, when internal resources are mobilized. Teachers need psychological support to prevent the development of deeper stages of stress.

Keywords: terrorist danger, psychological safety, safety of the educational environment, professional burnout, passion for work, teaching activity.

Acknowledgements: The authors thank Professor T.N. Berezina for assistance in conducting the research.

For citation: Senatorova E.N., Balan A.S., Gatsutsyn V.V. Professional burnout of secondary school teachers under conditions of a terrorist threat. *Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti = Extreme psychology and personal safety*, 2024. Vol. 1, no. 1, pp. 34—43. DOI: <https://doi.org/10.17759/epps.2024010104> (In Russ.).

Введение

Настоящее время изобилует рисками и угрозами различной этиологии, одна из наиболее часто встречающихся современных социальных угроз — террористическая опасность. У террористической угрозы существует несколько уровней. Повышенный уровень — «синий» — его объявляют при наличии информации о совершении террористического акта, требующей подтверждения. Высокий уровень — «желтый» — его объявляют, если есть подтвержденная информация о возможности совершения террористических актов в данной местности. Критический уровень — «красный» — он объявляется в ситуациях уже совершившихся террористических актов.

В настоящее время в некоторых регионах нашей страны объявлены различные уровни террористической угрозы. В Белгородской области с 4 февраля 2023 года был введен бессрочный высокий (желтый) уровень террористической опасности. Наличие высокого уровня террористической опасности оказывает влияние на деятельность образовательных организаций региона: изменяется структура учебного процесса (перевод части школ на дистантную форму обучения), увеличивается профессиональная и дополнительная нагрузка педагогов, с ними проводятся специальные учения, они участвуют в мероприятиях по обеспечению безопасности учебных заведений и т.п.

Кроме этого, существует реальная опасность террористических актов, угрожающих жизни как педагогов, так и обучающихся. Все это обуславливает актуальность постоянного мониторинга психических состояний педагогических работников, осуществляющих деятельность в условиях террористической опасности, поскольку они работают с детьми, и нарушение их состояния будет оказывать влияние на весь педагогический процесс и на состояние обучающихся.

Обзор литературы

Террористическая угроза является одним из видов психологического воздействия террористических актов на психику человека. Чем сильнее террористическая угроза, тем большее ее психотравмирующее влияние: обнаружены тесные связи между интенсивностью переживания террористической угрозы и интенсивностью психопатологической симптоматики и признаками посттравматического стресса [11]. Эмпирически показано, что сильное переживание террористической угрозы связано положительными связями с посттравматическими стрессовыми симптомами и негативными психологическими переживаниями: у респондентов до 35 лет оно отрицательно связано с психологическим благополучием, однако у лиц старше 35 лет таким связей не обнаружено [5].

Террористическая угроза относится к внешним факторам стресса. Для нее характерно: наличие физической угрозы здоровью и самой жизни, состояние неопределенности, в котором оказываются педагоги, повышенная нагрузка и наличие травматического стресса. Террористическая угроза высокой интенсивности в значительной степени влияет на профессиональное выгорание специалистов разных профилей. Исследование, проведенное в Чеченской Республике, показало, что травматический опыт обуславливает подверженность личности профессиональному и эмоциональному выгоранию на последующих этапах жизненного пути из-за переживания стрессов высокой интенсивности [12]. Травматический опыт является также причиной профессионального выгорания психологов.

Исследования показали, что наличие вторичной травматизации является значимым фактором, который может существенно повышать риск профессионального выгорания; особенно это касается психологов, которые работают с жертвами кризисных и экстремальных ситуаций [9]. У специалистов опасных профессий (например, пожарных-спасателей) в эмпирических исследованиях с помощью корреляционного анализа показана взаимосвязь между симптомами травматического стресса и уровнями профессионального выгорания. Однако эта взаимосвязь объясняется воздействием стресс-факторов профессиональной деятельности, т.е., выполнению профессиональных задач непосредственно в экстремальных условиях [6].

Педагоги в регионах с желтым уровнем террористической опасности работают не в боевых условиях, а скорее в ситуации неопределённости, вызванной наличием угрозы. У педагогов состояние неопределенности, вызванное действием стресс-факторов, приводит к интеллектуальным нагрузкам, повышенному переживанию стресса, неудовлетворенности процессом и результатом труда, неспособности своевременно справляться с работой. Все это, по мнению исследователей, ведет к эмоциональному выгоранию. В свою очередь, низкий эмоциональный тонус может привести к редуцированию собственного достоинства и снижению эффективности труда учителя [7].

Желтый уровень террористической опасности в регионе оказывает влияние на образовательную среду учебных заведений. Выполненное в конце 2022 года исследование показало, что на безопасность образовательной среды оказывает влияние как непосредственная террористическая угроза, так и транслируемая через средства массовой информации. Иногда опосредованная угроза оказывается сильнее непосредственной. Как показало эмпирическое исследование, проведенное на школьниках, у обучающихся, находящихся в регионе с наличием террористической угрозы, по сравнению с регионом, в котором отсутствует риск террористической угрозы, результаты шкалы доверия, доброжелательности, принятия имеют более высокие значения, при этом имеют более низкое значение по шкале манипулятивного отношения. Позитивное и негативное отношение к качеству межличностных отношений в образовательной среде выше у обучающихся в регионе с отсутствием террористической угрозы [4].

Безопасность является одной из базовых потребностей человека [14]. Ее неудовлетворение может иметь отсроченное воздействие и привести к переживанию хронического стресса, что, в свою очередь, влияет на профессиональное выгорание специалистов [3]. Большинство исследований профессионального выгорания в качестве причины называют профессиональный стресс [10]. Профессиональный стресс педагога связан с особенностями его работы: высокой нагрузкой, необходимостью поддерживать большое количество социальных контактов, повышенными требованиями со стороны других субъектов образовательной среды, он ведет к профессиональным деформациям, которые, в свою очередь, вызывают синдром эмоционального выгорания [8].

Однако многие авторы среди причин профессионального выгорания педагогов называют нарушение безопасности образовательной среды. С профессиональным выгоранием педагога наиболее связаны следующие нарушения безопасности образовательной среды: принуждение педагога к работе посредством угроз против желания, неудовлетворительные отношения педагога с начальством или членами трудового коллектива, отсутствие возможности высказать точку зрения [2]. Преимущественная роль безопасности образовательной среды учебного заведения определяется благополучием педагога, который создаёт эту среду и, тем самым, обеспечивает психологическое благополучие учеников. Исследования показывают наличие взаимосвязи между благополучием учителя и безопасностью школы [13]. Таким образом многие авторы утверждают, что причинами профессионального выгорания, в большей степени, является безопасность внутренней образовательной среды учебного заведения, а не уровень безопасности региона в целом.

Оценка влияния террористической угрозы (внешней по отношению к учебному заведению) является научной задачей нашего исследования.

Организация исследования

Цель: сравнить степень профессионального выгорания и увлеченности работой педагогов двух школ: осуществляющей работу в условиях высокого уровня террористической угрозы и находящейся в обычных условиях.

Гипотеза: наличие террористической угрозы в регионе оказывает влияние на образовательную среду школы: уровень профессионального выгорания будет выше у педагогов, осуществляющих деятельность в условиях террористической угрозы.

Методы исследования

1) Опросник выгорания К. Маслач, в российской адаптации (авторы Н.Е. Водопьянова и Е.С. Старченкова) предназначен для измерения основных показателей синдрома профессионального выгорания: эмоционального истощения, деперсонализации и редукации профессиональных достижений. Также вычислялся общий показатель профессионального выгорания, как суммы всех компонентов.

2) Опросник «Утрехтская шкала увлеченности работой» в адаптации Д.А. Кутузовой. Измеряются 3 показателя: энергичность (этот компонент свидетельствует об уровне энергии, работоспособности, бодрости, готовности работника к значительным усилиям), энтузиазм (определяется как степень, с которой работник психологически связан и получает удовлетворение от ее выполнения), поглощенность (этот компонент свидетельствует о полной концентрации, погружении в работу). Вычислялся также обобщенный показатель «увлеченность работой».

3) Вычисление статистического U-критерия Манна-Уитни для двух несопряженных групп.

Эмпирическая база

Были взяты 2 средние школы: 1-я школа находилась в регионе с повышенным желтым уровнем террористической угрозы (Белгородская область), 2-я школа находилась в регионе с отсутствием террористической угрозы (Московская область). Было обследовано около 60 % педагогов, работающих в этих школах, т.е., были обследованы все педагоги, давшие добровольное и осознанное согласие на участие в исследовании.

Испытуемые: 29 человек. 1-я группа — 10 человек педагогов школы из региона с террористической угрозой: 20 % мужчины, 80 % женщины. Средний возраст: 49,5 лет. 2-я группа — 19 человек из региона с отсутствием террористической угрозы: 16% мужчины, 84% женщины. Средний возраст: 41,2 года.

Исследование проводилось в июне-июле 2023 года, в то время как в Белгородской области уже в течение полугода был объявлен желтый уровень террористической угрозы.

Результаты исследования

Мы провели сравнительный анализ компонентов профессионального выгорания педагогов из двух школ. Результаты представлены в Таблице 1.

Как видно из таблицы 1, обнаружены достоверные различия в уровне профессионального выгорания только по шкале «редукция профессиональных достижений»; поскольку это обратная шкала, то высокие значения по ней говорят о более низкой выраженности симптома и наоборот. Таким образом, у педагогов, работающих в регионе с желтым уровнем террористической опасности показатель достоверно ниже, чем у педагогов из обычного региона. По остальным компонентам (эмо-

Таблица 1

Показатели профессионального выгорания у педагогов из региона с террористической опасностью и без нее

Показатели	Средние значения школы 1	Средние значения школы 2	U	p
эмоционального истощения	27,1	27,75	99,5	-
деперсонализации	12,1	11,15	81	-
редукции профессиональных достижений (обратная шкала)	19	13,6	59	$p \leq 0,05$
профессионального выгорания	58,2	52,4	76	-

Школа 1 — из региона с террористической опасностью.

Школа 2 — из региона без террористической опасности.

циональное истощение, деперсонализация) и по общему показателю профессионального выгорания различий не обнаружено. В таблице 2 мы представили результаты опросника «Увлеченности работой» для педагогов обследованных регионов.

Таблица 2

Показатели увлеченности работой у педагогов из региона с террористической опасностью и без нее

Показатели	Средние значения школы 1	Средние значения школы 2	U	p
Энергичность	21,4	17,7	69	-
Энтузиазм	18,5	17,6	88	-
Поглощенность	21	20,15	91,5	-
увлеченность работой	60,9	55,05	84	-

Школа 1 — из региона с террористической опасностью.

Школа 2 — из региона без террористической опасности.

Как видно из таблицы, достоверных различий между показателями увлеченности работой между педагогами обеих школ не обнаружено.

Обсуждение результатов

Исследования проводились в то время, когда в Белгородской области уже в течение полугода был объявлен желтый уровень террористической опасности и, соответственно, это оказывало влияние на деятельность ученых заведений. Исследование проводилось в Валуйском районе, являющимся пограничным, и, на момент исследования, уже подвергшимся непосредственным террористическим угрозам. Однако заметного влияния на профессиональное выгорание педагогов и их вовлеченность в работу этот факт не оказал. Мы обнаружили только одно значимое различие между школами разных регионов. У педагогов, работающих в регионе с желтым уровнем террористической опасности, уровень редукции профессиональных достижений достоверно ниже, чем у педагогов из обычного региона. Этот факт выглядит парадоксальным, однако ранее в исследовании на обучающихся уже было показано, что по многим параметрам школьники из региона с террористической угрозой оценивают безопасность образовательной среды своей школы выше учеников из других регионов [4]. Наличие различий в оценке террористической угрозы в разных регионах нашей страны выявлялось еще в исследованиях начала 21 века [1]. Как было показано исследователями, в некоторых регионах, где непосредственная опасность отсутствовала, жители демонстрировали высокий уровень террористической угрозы. Автор объясняет этот факт тем, что жители

отдаленных регионов являются косвенными жертвами из-за прямой и последующей трансляции терактов в СМИ, при этом дистанцированность от места произошедшего может только увеличить переживание опасности (у страха глаза велики).

Подобное объяснение возможно и для полученных нами данных. Тогда получится, что косвенная опасность может воздействовать на работу педагога центрального региона так же сильно, как и прямая. Однако, возможно и другое объяснение: наличие третьих факторов. Тогда получается, что желтый уровень террористической угрозы непосредственного воздействия на работу педагогов не оказал, а профессиональное выгорание и вовлеченность в работу больше зависят от чего-то другого, общего для всех регионов.

Также можно предложить третье объяснение, которого мы придерживаемся. Как известно, существуют три стадии развития стресса (тревога, сопротивление, истощение). Начальная стадия (или стадия тревоги), на этой стадии активизируются все защитные реакции организма и опасность может не ощущаться. При этом человек может испытывать не только тревогу, но и любые другие чувства, например, смелость, ярость, страх, отвагу, восторг. Он может ощущать прилив сил, благодаря тому, что организм мобилизовал все ресурсы, у него могут даже проходить некоторые соматические заболевания.

Мы полагаем, что проживание в течение полугода в регионе с желтым уровнем террористической угрозы может быть приравнено к действию стресса на уровне стадии тревоги. Эта стадия стресса может не проявляться в виде профессионального выгорания педагогов. Более того, мобилизация всех сил может даже уменьшить некоторые признаки выгорания (как это показано у нас в отношении компонента «редукция профессиональных достижений»). Однако, несмотря на то, что в целом на этой стадии человек чувствует себя неплохо, все-таки это стадия стресса, и она может иметь последствия в будущем в виде развития симптомов ПТСР, возникновения психосоматических заболеваний и трудностей с психологической адаптацией. Поэтому педагогам, работающим на территории регионов с желтым уровнем террористической опасности, необходима психологическая поддержка уже сейчас, также необходимо вести профилактическую работу в образовательных учреждениях, чтобы не дать стрессовому синдрому развиваться до второй, а тем более — третьей стадии.

Заключение

Желтый уровень террористической опасности в регионе оказывает влияние на работу образовательных организаций, изменяется характер учебного процесса, часть занятий проходят дистантно, увеличивается внеучебная нагрузка, педагоги принимают участие в организации безопасности своего учебного заведения. Однако это не оказывает влияния на уровень увлеченности работой. Показатели энергичности, энтузиазма, поглощенности у педагогов из региона с террористической угрозой не отличаются от таковых педагогов из центрального региона. Различия в степени профессионального выгорания между педагогами также отсутствуют. Однако есть различия в выраженности отдельных компонентов профессионального выгорания: редукция профессиональных достижений педагогов парадоксальным образом оказалась ниже в регионе с террористической угрозой. По показателям эмоционального истощения и деперсонализации различий нет.

Мы полагаем, что проживание на территории с желтым уровнем террористической угрозы можно приравнять к действию первой стадии стресса (тревоги), при которой активизируются скрытые резервы организма — это позволяет задержать развитие профессионального выгорания. Опасность этой стадии в том, что силы педагога постепенно истощаются, и необходима организация специальной психологической поддержки, чтобы предотвратить развитие более глубоких стадий стресса.

Ограничения полученных результатов. Результаты получены для пограничного региона, находящегося в течение полугода в ситуации «желтого уровня террористической угрозы». Результаты не могут быть перенесены для регионов с другим уровнем опасности без предварительной проверки.

Перспективы исследования. Начато изучение влияния террористической угрозы на деятельность профессионалов. Перспективным может быть изучение динамики показателей профессионального выгорания при увеличении длительности действия террористической угрозы. Также интересным может быть сравнение профессионального выгорания в условиях террористической угрозы у профессионалов разных групп.

Литература

1. *Быховец Ю.В.* Представления о террористическом акте и переживание террористической угрозы жителями разных регионов РФ : дисс. ... канд. псих. наук. М. 2007. 129 с.
2. Взаимосвязь профессионального выгорания с показателями возраста и характеристиками образовательной среды / Т.Н. Березина, Д.В. Деулин, А.В. Сечко, М.И. Розенова // Психология и право. 2023. Т. 13. № 3. С. 193—210. DOI 10.17759/psylaw.2023130314
3. Влияние разных видов стресса на биопсихологический возраст / Т.А. Финогенова, Т.Н. Березина, А.В. Литвинова, С.А. Рыбцов // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12. № 3. С. 41—51. DOI 10.17759/jmfp.2023120304
4. *Завязкина К.В., Балан А.С.* Ресурсы и психологическая безопасность студентов колледжей с разным уровнем террористической опасности // Личностные ресурсы антистарения. Москва : Общество с ограниченной ответственностью “Русайнс”. 2024. С. 186—197.
5. *Казымова Н.Н.* Индивидуально-психологические ресурсы устойчивости человека к переживанию террористической угрозы : дисс. ... канд. псих. наук. М. 2018. 135 с.
6. *Карамова Э.И., Назмутдинова Р.М., Шурухина Г.А.* Соотношение показателей профессионального выгорания и травматического стресса у пожарных // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 79-5. С. 118—123. DOI 10.18411/trnio-11-2021-215
7. *Куимова М.В. Белянков В.Ю.* Профессиональный стресс и эмоциональное выгорание педагогов // В мире научных открытий. 2015. № 2—1(62). С. 665-668.
8. *Леванова Е.А. Цибулькинова В.Е.* Профессиональная деформация учителя и руководителя общеобразовательной организации: от профессионального стресса к синдрому эмоционального выгорания // Перспективы науки. 2016. № 5(80). С. 42—47.
9. *Малкина-Пых И.Г.* Взаимосвязь профессионального выгорания и вторичного травматического стресса в структуре личности психологов // Акмеология. 2010. № 1(33). С. 79—88.
10. *Маркарян А.Г.* Профессиональное выгорание как следствие профессионального стресса // Ученые записки СПбГМУ им. акад. И.П. Павлова. 2012. Т. 19, № 3. С. 32—34.
11. *Тарабрина Н.В. Быховец Ю.В.* Современное состояние психологических исследований террористической угрозы // Медицинская психология в России. 2011. № 5(10). С. 4.
12. *Хажуев И.С.* Эмоциональное и профессиональное выгорание в контексте переживания стрессов высокой интенсивности // Известия Чеченского государственного педагогического университета Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 15. № 2(18). С. 197—204.
13. A Model of Subjective Well-Being of a Teacher in the Context of the Safety of Educational Environment / Gilemkhanova E., Khusainova R., Lushpaeva I., Khairutdinova M. // Education and Self Development. 2022. 17. 288—302. DOI:10.26907/esd.17.4.20
14. The relationship between the environmental safety of the school educational environment and teacher burnout. / Berezina T., Sechko A., Deulin D., Tyulyupergeneva R. // E3S Web of Conf. 2023. 458. 06001. DOI: 10.1051/e3sconf/202345806001

References

1. Bykhovets Yu. V. Ideas about a terrorist act and the experience of a terrorist threat by residents of different regions of the Russian Federation. Diss. cand. psikh. nauk. [Ideas about a terrorist act and the experience of a terrorist threat by residents of different regions of the Russian Federation. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow. 2007. 129 p.

2. Berezina T.N., Deulin D.V., Sechko A.V., Rozenova M.I. Vzaimosvyaz' professional'nogo vygoraniya s pokazatelyami vozrasta i kharakteristikami obrazovatel'noy sredy [The relationship of professional burnout with indicators of age and characteristics of the educational environment]. // *Psikhologiya i pravo* = Psychology and Law, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 193—210. DOI 10.17759/psylaw.2023130314
3. Finogenova T.A., Berezina T.N., Litvinova A.V., Rybtsov S.A. Vliyaniye raznykh vidov stressa na biopsikhologicheskiy vozrast [The influence of different types of stress on biopsychological age]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* = Modern foreign psychology, 2023. Vol. 12, no. 3, pp. 41—51. DOI 10.17759/jmfp.2023120304
4. Zavyazkina K.V., Balan A. S. Resursy i psikhologicheskaya bezopasnost' studentov kolledzhey s raznym urovnem terroristicheskoy opasnosti [Resources and psychological safety of college students with different levels of terrorist danger]. In *Lichnostnyye resursy antistareniya* [Personal resources of anti-aging]. Moscow : Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Rusayns". 2024. pp. 186—197.
5. Kazymova N.N. Individual psychological resources of a person's resilience to surviving a terrorist threat. Diss. cand. psikhol. nauk. [Individual psychological resources of a person's resilience to surviving a terrorist threat. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow. 2018. 135 p.
6. Karamova E.I., Nazmutdinova R.M., Shurukhina G.A. Sootnosheniye pokazateley professional'nogo vygoraniya i travmaticheskogo stressa u pozharnykh [Correlation of indicators of professional burnout and traumatic stress among firefighters]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* = Trends in the development of science and education, 2021. no. 79-5, pp. 118—123. DOI:10.18411/trnio-11-2021-215
7. Kuimova M.V. Belyankov V.YU. Professional'nyy stress i emotsional'noye vygoraniye pedagogov [Professional stress and emotional burnout of teachers]. *V mire nauchnykh otkrytiy* = In the world of scientific discoveries, 2015. no. 2—1(62), pp. 665—668.
8. Levanova Ye.A. Tsibul'nikova V.Ye. Professional'naya deformatsiya uchitelya i rukovoditelya obshcheobrazovatel'noy organizatsii: ot professional'nogo stressa k sindromu emotsional'nogo vygoraniya [Professional deformation of teachers and heads of educational organizations: from professional stress to emotional burnout syndrome]. *Perspektivy nauki* = Perspectives of Science, 2016. no. 5(80), pp. 42—47.
9. Malkina-Pykh I.G. Vzaimosvyaz' professional'nogo vygoraniya i vtorichnogo travmaticheskogo stressa v strukture lichnosti psikhologov [The relationship between professional burnout and secondary traumatic stress in the personality structure of psychologists]. *Akmeologiya* = Acmeology, 2010. no. 1(33), pp. 79—88.
10. Markaryan A.G. Professional'noye vygoraniye kak sledstviye professional'nogo stressa [Professional burnout as a consequence of professional stress]. *Uchenyye zapiski SPbGMU im. akad. I.P. Pavlova* = Scientific notes of St. Petersburg State Medical University named after. acad. I.P. Pavlova, 2012. Vol. 19, no. 3, pp. 32—34.
11. Tarabrina N.V. Bykhovets YU.V. Sovremennoye sostoyaniye psikhologicheskikh issledovaniy terroristicheskoy ugrozy [Current state of psychological research of the terrorist threat]. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii* = Medical psychology in Russia, 2011. no. 5(10). p. 4.
12. Khazhuyev I.S. Emotsional'noye i professional'noye vygoraniye v kontekste perezhivaniya stressov vysokoy intensivnosti [Emotional and professional burnout in the context of experiencing high-intensity stress]. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Seriya 1. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* = News of the Chechen State Pedagogical University Series 1. Humanities and social sciences, 2017. Vol. 15, no. 2(18), pp. 197—204.
13. Gilemkhanova E., Khusainova R., Lushpaeva I., Khairutdinova M.A Model of Subjective Well-Being of a Teacher in the Context of the Safety of Educational Environment. *Education and Self Development*, 2022. no. 17, pp. 288—302. DOI: 10.26907/esd.17.4.20
14. Berezina T., Sechko A., Deulin D., Tyulyupergeneva R. The relationship between the environmental safety of the school educational environment and teacher burnout. *E3S Web of Conf*, 2023. Vol. 458, 06001. DOI:10.1051/e3sconf/202345806001

Сенаторова Е.Н., Балан А.С., Гацуцын В.В
Профессиональное выгорание педагогов средней школы
в условиях террористической угрозы
Экстремальная психология и безопасность личности.
2024. Том 1. № 1. С. 34—43.

Senatorova E.N., Balan A.S., Gatsutsyn V.V.
Professional burnout of secondary school teachers under
conditions of a terrorist threat
Extreme Psychology and Personal Safety.
2024. Vol. 1, no. 1, pp. 34—43.

Информация об авторах

Сенаторова Елена Николаевна, кандидат социологических наук, руководитель. Клиентская служба (на правах отдела) в г. Валуйки, Белгородской области, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1935-0303>, e-mail: elena.senatorova2021@gmail.com

Балан Александр Сергеевич, учитель информатики муниципального общеобразовательного учреждения «Принцевская средняя общеобразовательная школа» (МОУ «Принцевская СОШ») Валуйского района Белгородской области, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4791-6313>, e-mail: basandbees31@gmail.com

Гацуцын Владислав Владимирович, заместитель директора. Областное государственное автономное профессиональное образовательное учреждение «Валуйский колледж» (ОГАПОУ «Валуйский колледж»), г. Валуйки, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1352-6500>, e-mail: beluno@belregion.ru

Information about the authors

Elena N. Senatorova, Candidate of Sociological Sciences, Supervisor, Customer Service (as a department) in Valuyki, Belgorod region, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1935-0303>, e-mail: elena.senatorova2021@gmail.com

Alexander S. Balan, computer science teacher of the municipal educational institution “Printsevskaya secondary school” (MOU “Printsevskaya Secondary school”) Valuysky district of Belgorod region, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4791-6313>, e-mail: basandbees31@gmail.com

Vladislav V. Gatsutsyn, Regional State Autonomous Professional Educational Institution Valuysky College (OGAPOU Valuysky College), Deputy Director, Valuyki, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1352-6500>, e-mail: beluno@belregion.ru

Получена 14.03.2024

Принята в печать 29.05.2024

Received 14.03.2024

Accepted 29.05.2024

О разработке современной модели обеспечения информационно-психологической безопасности

Поздняков В.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Представлен анализ современных научных трендов в изучении и по разработке мер обеспечения информационно-психологической безопасности для противодействия угрозам и опасностям в рамках ведущейся против России информационно-психологической войны. Осуществлена критика в отношении действующей «охранно-защитной модели противодействия», изначально доктринально обоснованной юристами и включенной в отечественное законодательство по безопасности. Показаны перспективы подхода, базирующегося на междисциплинарной «превентивно-культурной модели», где системообразующими выступают психологические предикторы, отражающие роль субъектной активности индивидуальных и групповых субъектов. С учетом философской концепции антропосоразмерности обоснована важность методологической ориентации в дальнейшей научно-исследовательской и программно-проектной деятельности на такие императивы в реализации «превентивно-культурной модели» обеспечения информационно-психологической безопасности, как превентивно-виктимный и культурно-развивающий.

Ключевые слова: безопасность, виктимность, информационно-психологическая война, культура безопасности, превенция, психотехнологии воздействия, специальные информационно-психологические операции.

Для цитаты: Поздняков В.М. О разработке современной модели обеспечения информационно-психологической безопасности [Электронный ресурс] // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Том 1. № 1. С. 44—58. DOI: <https://doi.org/10.17759/epps.20240100105>

On the development of a modern model for ensuring information and psychological security

Vyacheslav M. Pozdneyakov

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

An analysis of modern scientific trends in the study and development of measures to ensure information and psychological security to counter threats and dangers in the framework of the information and psychological war waged against Russia is presented. Criticism was carried out in relation to the current “security and protective model of counteraction”, initially doctrinally substantiated by law-

yers and included in domestic legislation on security. The prospects of the approach based on the interdisciplinary “preventive-cultural model” are shown, where the system-forming ones are psychological predictors reflecting the role of subjective activity of individual and group subjects. Taking into account the philosophical concept of anthropo-proportionality, the importance of methodological orientation in further research and program-project activities on such imperatives in the implementation of the “preventive-cultural model” of ensuring information and psychological security as preventive-victim and cultural-developmental is substantiated.

Keywords: security, victimhood, information and psychological warfare, security culture, prevention, psychotechnologies of influence, special information and psychological operations.

For citation: Pozdnyakov V.M. On the development of a modern model for ensuring information and psychological security. *Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti = Extreme psychology and personal safety*, 2024. Vol. 1, no. 1, pp. 44—58. DOI: <https://doi.org/10.17759/epps.20240100105> (In Russ.).

Введение

Сегодня россияне живут в условиях растущего числа угроз и опасностей, исходящих сразу из двух сфер реальности: во-первых, из динамичного офлайн-бытия, во многом осложненного тем, что Россия с февраля 2022 года проводит специальную военную операцию в Украине и, вследствие этого, против России действуют масштабные санкции; во-вторых, из-за растущего, в целом, времени пребывания в онлайн-бытии цифрового пространства.

При этом если по поводу офлайн-бытия у людей сохраняется надежда на защиту от государства и его органов, то от деструктивных влияний в цифровой реальности, которых год от года становится всё больше, они вынуждены пока, преимущественно, защищаться сами.

Сегодня в ходе опросов, направленных на выявление разных угроз, связанных с ведущейся в цифровом пространстве информационной войной, на наличие этих угроз указывают более 80% взрослых россиян и еще больше — школьников и студентов [1].

Учитывая это, можно констатировать, что актуальным является анализ подходов ученых к изучению информационно-психологической безопасности и разработке моделей ее обеспечения.

Понятие информационная война и безопасность

Как известно, информационные войны реализуются на основе разноплановых психотехнологий, дающих возможность изменять сознание и поведение людей, пошагово создавая почву для внедрения необходимого для инициатора воздействий. Именно такая функция информационно-психологической войны была изначально обозначена в книге «Психологическая война» (1954) Полем Лайнбарджером — американским психологом, являвшимся консультантом Пентагона по организации подрывной пропаганды [21, с. 335—336]. В последующем американский ученый Томас Рона, являвшийся научным советником Министерства обороны США и Белого дома при президентах Рейгане и Буше, способствовал тому, что воздействия стали более скрытными и многоплановыми, т.к. уже базировались на возможностях «оцифровки» методов и способов ведения психологической войны [32]. В конце XX столетия была обоснована концепция прокси-войны, где инструментом стали комплексные информвоздействия на общественное сознание и поведение граждан страны, являющейся геополитическим противником [8].

В XXI веке появилась возможность целенаправленно проводить в рамках гибридных войн и ментальные информационные акции. Согласно А.М. Ильницкому, ментальная война, ведущаяся в медиaprостранстве, — «это скоординированная совокупность разномасштабных действий и операций, направленных на «оккупацию» сознания противника в целях паралича его воли, деморализацию армии и общества, уничтожение духовно-нравственных ценностей, традиций и культурно-

исторических основ государства, «стирание» национальной идентичности народа» [7]. В современной военной стратегии США ментальную войну, ведущуюся с использованием технологий «искусственного интеллекта» и «больших данных», рассматривают как «шестой домен», наряду с операциями наземными, морскими, в воздушном, космическом и киберпространстве.

По мнению ученых, для противодействия ментальным информакциям необходимы меры по развитию у людей информационно-психологической грамотности [8], причем с учетом специфики безопасности лингвистической [2] и когнитивной [12]. Ведь в информационной войне, согласно психологу А.И. Юрьеву, задействуются разноплановые методики, в результате чего в свою противоположность начинают обращаться все создававшиеся прежде людьми микро- и макро-информационные конструкции, т.к. в информационных акциях противопоставляют: объективности информации — фальсифицирующую информацию, системности информации — дезориентирующую информацию, организованности информации — деморализующую информацию, достаточности информации — дестабилизирующую информацию, ясности информации — дезинформацию, конкретности информации — дезорганизирующую информацию, практичности информации — дискредитирующую информацию, необходимости информации — дезинтегрирующую информацию [30, с. 110—111].

В наглядном виде угрозы безопасности, связанные с информационной войной, представлены на Рисунок 1.

ПИРАМИДА ЦИФРОВЫХ УГРОЗ

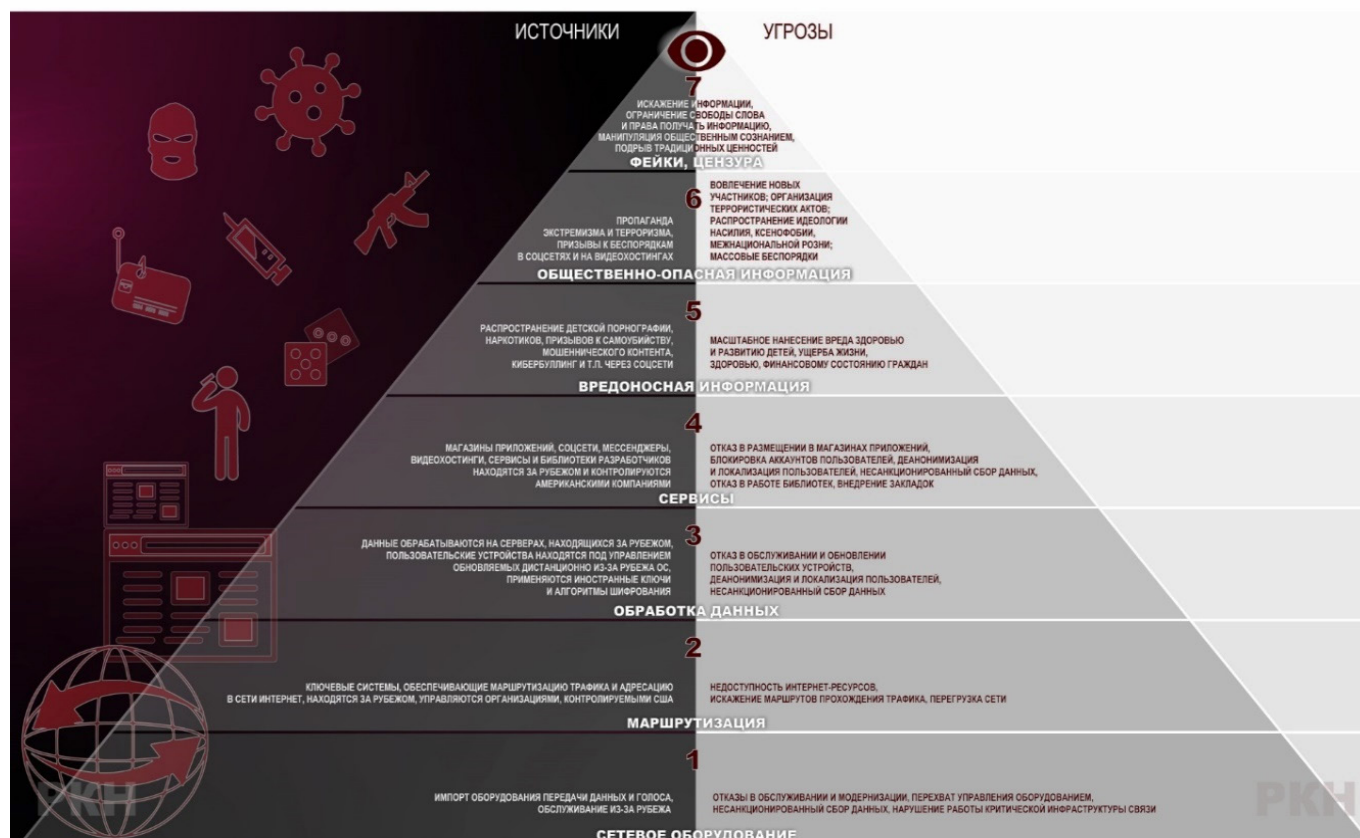

Рис. 1. Современные угрозы в цифровом мире

Акценты по совершенствованию обеспечения информационно-психологической безопасности в современных исследованиях

Анализ отечественных публикаций и диссертационных исследований последних трех лет свидетельствует, что учеными учтены требования Приказа Минобрнауки России от 24.02.2021 №118,

которым — как в название ряда научных направлений, так и в паспорта научных специальностей — добавлены положения по безопасности. Рассмотрим, к каким выводам и рекомендациям пришли ученые — представители разных наук.

Философия

Д.В. Биндас в кандидатской диссертации на тему «Философская парадигма информационной войны и обеспечения медиабезопасности» (2023) многопланово раскрыл, почему обеспечение порядка в медиаполе до настоящего времени остается уязвимым, а масштабирование проблем (из-за роста неverified фактов, подмены понятий, применения двойных стандартов, замалчивания событий и др.) усложняет реализацию механизмов контрмер, направленных на безопасное существование людей в цифровом мире.

И.А. Медякин в кандидатской диссертации на тему «Военная безопасность российского общества в условиях новой информационной реальности» (2023) отмечает, что расширение диапазона возможностей деструктивного воздействия за счет «мирных» средств и, в первую очередь, информационного характера, требует модернизации системы военной безопасности с обоснованием нового подхода к противоборству.

В кандидатской диссертации Д.Н. Кравцова на тему «Духовная безопасность личности в современном российском обществе» (2023) аргументировано показывается, что наибольшую опасность представляет девальвация традиционных ценностей, происходящая на фоне усилий Запада по идеологизации и социокультурному расслоению в России, манипулирования национальным самосознанием, «экспансии поп-культуры» и пропаганды асоциальных эталонов гедонистического поведения. По мнению ученого, для противодействия требуются постоянный мониторинг и анализ на основе методологии паспортизации воздействий, а также ввод целевых мер на уровне еще потенциальной угрозы духовной безопасности личности.

Общей позицией, отстаиваемой в работах философов, является то, что ими доказывается необходимость, с одной стороны, обосновать новую концепцию «системы безопасности», отражающую специфику превенции расширившего спектра угроз геополитического, социально-экономического, военно-технологического, информационного и духовного характера, а с другой стороны, обеспечить повышение компетентности разных субъектов противодействия, в том числе и психологической.

В связи с этим учеными, как и в ранее проведенных монографических исследованиях [17], обосновываются предложения по оптимизации связей и взаимодействия разноплановых субъектов — в том числе сотрудников госорганов, представителей конфессий и гражданского общества — по предупреждению, реагированию и защите граждан России от неприемлемых угроз, вызовов, рисков и опасностей.

Политология

В докторской диссертации Р.С. Выходца на тему «Политика обеспечения информационно-психологической безопасности в зоне ответственности Организации Договора коллективной безопасности» (2023) раскрыты предметные поля современного информационно-психологического противоборства (см. Рисунок 2).

Согласно Р.С. Выходцу, современная транспарентная информационная среда привела к стиранию границ между военными и невоенными средствами межгосударственного противоборства, а поэтому России — как государству, которое стремится к суверенитету, — надо избрать в качестве безусловного приоритета построение надежной системы безопасности в цифровом пространстве.

В связи с этим ученый предлагает под информационно-психологической безопасностью понимать состояние защищенности существующей в государстве системы формирования общественного мнения и принятия решений, психики должностных лиц, общественных деятелей и населения от деструктивного идеологического и психологического воздействия в информационной среде. При том, что воздействие может иметь и организованную, и дискурсивную природу.

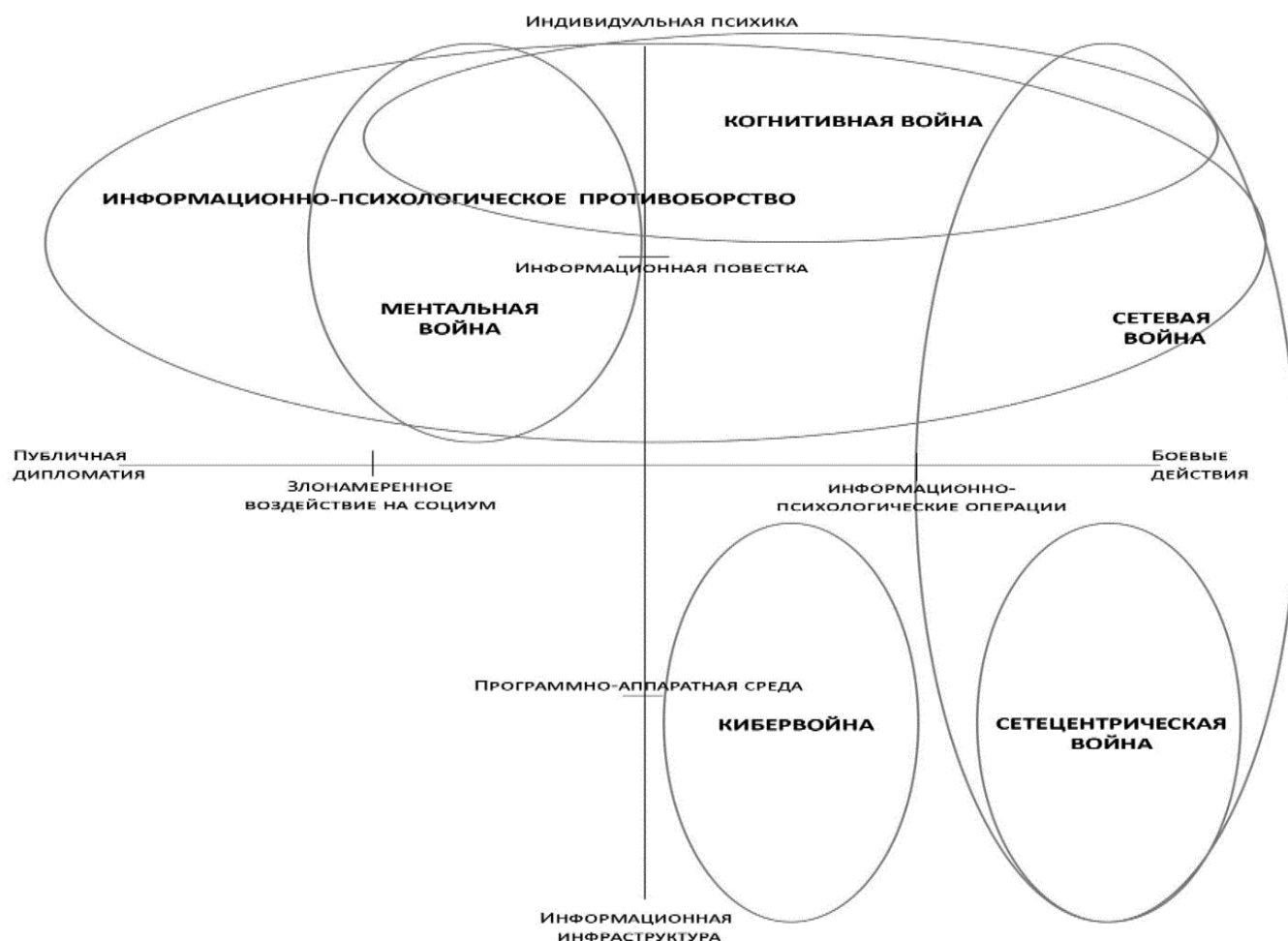

Рис. 2. Предметные поля современных концепций информационного противоборства
(по Р.С. Выходец, 2023)

По мнению ученого, противодействие деструктивным воздействиям нужно осуществлять, используя возможности генеративных и рекомендательных систем на основе технологий искусственного интеллекта. Причем, с учетом: уже сложившихся в мире двух геоинформационных пространств и разработки единой политики на уровне ОДКБ, специфики в области мировоззренческого, медийного и когнитивного компонентов контрвоздействий.

Юриспруденция

Среди растущего числа монографических исследований юристов научной новизной и масштабностью затронутых проблем выделяется докторская диссертация А.А. Смирнова на тему «Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации» (2022).

В ней показано, что в нашей стране при наличии обновленной «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ от 2.07.2021 №400, действенная модель обеспечения информационно-психологической безопасности на основе системного видения правовых механизмов противодействия в условиях глобального информационного общества — пока отсутствует.

Ученый доказывает, что для обеспечения данного вида безопасности важно повышение цифровой грамотности населения, в том числе с внедрением мер просвещения и обучения граждан инструментам профилактики и защиты от информугроз. Ученый считает, что юристы должны

выйти на разработку — с учетом международных правовых актов — ряда стандартов, и, после их принятия, довести до граждан и организаций следующие нормы:

а) о допустимости ограничения основных прав человека, включая свободу слова, в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц, в том числе защиты прежде всего детей от вредной информации и коммуникации;

б) о правомерности введения ограничений на оборот информации в средствах массовой информации и сети Интернет;

в) о необходимости криминализации наиболее опасных контентных и коммуникационных угроз и применения мер государственного принуждения к виновным физическим и юридическим лицам;

г) о целесообразности существования на национальном уровне механизмов сорегулирования и саморегулирования информационной сферы в интересах безопасности.

Психология

Учеными, занимающимися проблемой повышения личной безопасности сотрудников силовых структур и правоохранительных органов, продолжалась разработка психотехнических мер по модели «Звезда выживаемости» (Рисунок 3), которая была создана в 1980-х годах сотрудниками научного подразделения ФБР (США) и имплементирована в отечественную психопрактику благодаря пособиям профессоров А.В. Буданова и А.И. Папкина.

Рис. 3. Основные факторы личной безопасности сотрудников («Звезда выживания»)

В контексте модели «Звезда выживания» современные ученые (М.В. Виноградов, О.А. Ульянина, 2020; М.Г. Синякова, И.Г. Шевелева, 2020; Т.Л. Смирнова, Л.Ю Субботина, 2020) предложили дополнения в обеспечении безопасности по нравственно-правовой и информационно-психологической составляющим (тактика и приемы противодействия шантажу, провокациям, втягиванию в незаконные связи и т.д.). Согласно Н.Е. Красноштановой, дефинирование психологической безопасности субъекта служебной деятельности следует осуществлять через категорию «психическое образование», а не через «психическое состояние», как это делалось ранее в большинстве исследований [14].

Специфика безопасности личности у специалистов опасных профессий в последние годы многопланово изучалась сотрудниками Института психологии РАН. Согласно Н.Е. Харламенковой, раз-

ное отношение субъекта к миру является определяющим в переживании им своего бытия — как опасного или безопасного, — что в итоге сказывается на способе регуляции субъектом активности в стрессогенных обстоятельствах [26, 27].

По данным исследования Ю.Ю. Бессоновой, безопасность и благополучие в профессиях повышенного риска зависит от управления рисками, причем проактивный подход здесь возможен с учетом предваряющей оценки личности и существующей ментальности в организациях [3].

Конструктивным представляется выход в исследованиях профессоров Т.М. Краснянской и В.Г. Тыльца на выявление связи между психологическими ресурсами безопасности личности (познавательными, эмоциональными, мотивационными) и опытностью субъекта, связанной с его нахождением ранее в разных типах экстремальных ситуаций, а также обоснование перспектив развития методов оценки и развития психологической безопасности.

В предложенной учеными концепции личной безопасности субъектов в психологическом пространстве вызовов современности — показывается важность наличия имплицитной концепции личной безопасности, в том числе в аспекте психолого-криминологического фактора самообороны и иных адаптационных сценариев [16].

Интерес представляет компаративное исследование профессоров А.Г. и Ю.М. Караяни по специфике информационно-психологических воздействий в контексте парадигмы стратегических коммуникаций [10]. Учеными также обоснована важность выявления психологических механизмов коммуникационных процессов в смешанном оффлайн-онлайн пространстве, в которое включены «люди в погонах».

Учет данных механизмов позволит целенаправленно формировать информационно-психологическую устойчивость, основанную на осознании своего служебного долга, критическом восприятии информации, уверенности в собственной правовой защищенности, высоком профессионализме способности эффективно управлять своим психическим состоянием [11].

Видный социальный психолог А.Н. Сухов, учитывая расширение отечественных исследований макропсихологического уровня, констатирует, что сегодня информационная безопасность — это комплексная реальность, которая выражает право общества на получение достоверной информации, сохранение тайны и конфиденциальных сведений путем противодействия перехвату, прослушиванию передаваемых сообщений, проникновению в компьютерные сети; защиту личности и общества от воздействия на них информационно-психологических угроз, диффамации и клеветы; контрборьбу в ходе информационно-психологических войн; борьбу с преступностью в сфере информационно-телекоммуникационных систем; борьбу с нелегитимным использованием средств PR в ходе предвыборных кампаний и для обеспечения организационной безопасности [23].

Позиция ученого базируется на понимании феномена безопасности в ракурсе охранно-защитной модели, обоснованной юристами [24], а мер противодействия информугрозам — как системы действий субъектов, применяющих разные средства и технологии в целях выявления, идентификации и ликвидации внешних и внутренних угроз [25].

На наш взгляд, подход профессора А.Н. Сухова в определенной мере уводит от предметного поля психологии в сторону социологии, т.к. не дифференцирует роль и возможности разных категорий субъектов во взаимодействии и превентивном решении задач по возникающим информугрозам. Данный пробел в отношении сути безопасности и ее оценки, представляется, конструктивно преодолевается профессорами П.А. Кисляковым и Е.А. Шмелевой. Они, на основе анализа имеющихся концептуальных подходов и методов диагностики за рубежом и в России, определяют возможность комплексного изучения феномена как состояния, интегрального свойства, особенностей активности субъектов деятельности и проявлений в поведении — на индивидуальном, групповом и более массовом уровнях [13].

Л.М. Костиной в докторской диссертации на тему «Психологическая безопасность личности субъекта образования на этапе перехода на следующую ступень обучения» (2023) констатируется, что при наличии значительного числа исследований, направленных на выявление факторов, обеспечивающих безопасную образовательную среду, их влияние нивелируется, если в образователь-

ных организациях не создана ориентация самих обучающихся в непрерывном процессе воспитания и образования на культуру безопасности.

Ученый доказывает, что ранее разработанные предложения по решению проблемы формирования психологической безопасности субъектов образования должны быть объединены в интегративной модели, которая позволяет выявлять роль следующих характеристик: устойчивость личности, которая в период перехода на следующую ступень обучения понимается как проявление ей способности как системы сохранять просоциальное поведение при различных отрицательных явлениях; сопротивляемость, под которой понимается свойство, характеризующее защищенность личности от деструктивных воздействий за счет внутренних ресурсов; защищенность/незащищенность личности, проявляющаяся как переживание индивидом позитивных/негативных психических состояний, отсутствие/наличие беспокойства, тревожности; эффективность деятельности, рассматриваемая через показатель ее результативности за счет активности самоизменений.

Педагогика

Учеными продолжена традиция совершенствовать методiku формирования культуры безопасности у обучающихся [4]. В современных исследованиях выявлены особенности влияния растущей цифровизации образовательного процесса на безопасность личности в разных видах школ, вузов, при дополнительном профессиональном образовании.

Мы разделяем позицию Ю.В. Калегиной, которая экспериментально доказала, что в рамках дополнительного образования — для получения результата в повышении культуры безопасности у взрослых людей — важно разрабатывать индивидуальные программы ее развития. Программы должны быть построены с учетом результатов предварительного выявления перечня индивидуальных особенностей, обусловленных спецификой этапа профессионализации; личного опыта по преодолению имевших место травмирующих и экстремальных условий [9].

Итак, результаты проведенного анализа позволяют констатировать: информационно-психологическая безопасность рассматривается учеными как ключевая социальная проблема. И, в силу ее многоплановости, для выработки действенных мер противодействия растущим угрозам и опасностям (прежде всего, в цифровом пространстве), необходим междисциплинарный подход, в рамках которого системообразующими факторами станут психологические предикторы, отражающие роль активности индивидуальных и групповых субъектов.

В диссертациях, защищенных в последние три года по разным наукам, показана ограниченность в обеспечении безопасности, когда опора идет только на сформулированную юристами и заведенную в разные законы «охранно-защитную модель». На наш взгляд, с учетом разработанной философами концепции антропосоразмерности (В.И. Курашов, 2009 и др.) представляется важным реализовывать при обеспечении информационно-психологической безопасности «превентивно-культурную модель», в которой культурно-нормативным ориентиром и превентивной психотехнической направленности мер предотвращения уделяется первостепенное внимание.

Прологомены современной модели обеспечения информационно-психологической безопасности

Учитывая, что современные исследования по информационно-психологической безопасности пока не позволяют выйти на теоретические обобщения уровня интегративной модели — в том числе из-за отсутствия в последнее пятнадцатилетие докторских диссертаций по многим отраслям психологии — раскроем, основываясь на методологии создания научной схемы поисковых разработок [5, с. 9], *два ключевых императива — превентивно-виктимный и культурно-развивающий*, которые актуальны для дальнейшей научно-исследовательской и психотехнической деятельности.

Превентивно-виктимный императив в обеспечении информационно-психологической безопасности выражает важность: выявления предрасположенности различных категорий людей и их групп к деструктивным информационным воздействиям; создания системы многоуровневой профилактики.

В методолого-концептуальном ракурсе при разработке проблемы совершенствования обеспечения информационно-психологической безопасности, на наш взгляд, можно опереться на разработки в области психовиктимологии.

Учеными под виктимностью (от лат. *victima* — жертва) понимается совокупность имеющихся у человека психических и социальных черт, приобретенных стереотипов и привычек поведения, создающих предрасположенность к превращению этого человека в жертву разных акторов.

При изучении уязвимости человека в современной информационной среде представляется возможным опираться как на идеи из «концепции способствующей жертвы» Менахэма Амира, где уязвимость связывается с необоснованным доверием (легкомысленностью) и оплошностью (небрежной неосторожностью) самого человека [31], так и на выводы психологов о потенциальной виктимности у лиц, чья профдеятельность проходит в опасных для жизни ситуациях.

Учитывая, что факторы виктимологического риска традиционно подразделяются на две группы — факторы, присущие информационной среде и независимые от человека, и факторы, связанные с человеческим капиталом, — меры профилактики уязвимости должны разрабатываться с учетом специфики указанных групп детерминант.

По первой группе факторов необходимо, на наш взгляд, обосновать меры блокирования «цифрового беспредела», связанного с виктимогенными воздействиями в электронных СМИ и на платформах Интернета. В связи с этим, руководствуясь Программой фундаментальных научных исследований в РФ на долгосрочный период, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 31.12.2020 № 3684-р, психологам важно активизировать «макропсихологические исследования состояния общества в условиях глобальной нестабильности, по изменению культурной идентичности граждан Российской Федерации в цифровом пространстве и аксиологии общения в цифровой информационно-коммуникационной среде; включиться в междисциплинарные разработки, направленные на снижение подверженности личности и социальных групп манипуляциям в условиях информационной войны.

В отношении определения адекватных мер по второй группе факторов задача психологов состоит в комплексном изучении детерминант и механизмов противодействия трансформации сознания людей в транспарентном информационном пространстве и, прежде всего, у подростков и молодежи, постоянно «живущих» в цифровом мире.

Данные исследований (П.В. Кисляков, Т.А. Нестик, Г.У. Солдатова и др.) свидетельствуют, что воздействия (технологично упакованные специалистами в области коммуникации или смоделированные искусственным интеллектом в Интернете), влияют одновременно на восприятие, внимание, память, мышление, воображение. Учитывая это, можно констатировать, что для обеспечения информационно-психологической безопасности крайне важно развивать уже у обучающихся в школах и вузах информационно-психологическую грамотность работы в виртуальной и дополненной среде, способность к критической рефлексии получаемой информации, устойчивость личности к негативным информационным воздействиям [20, с. 9].

Это актуально не только для россиян детского, подросткового и юношеского возраста, но и для взрослых. Ведь несмотря на то, что у последних имеется сформированное отношение к своей стране, ее властям, политике, обществу — в условиях повышения экстремальности бытия — их позицию стремятся пошагово менять на основе современных технологий. Например, через методику «Окна Овертона», контроль интерфейса и работу модераторов на площадках виртуального общения в соцсетях, непрерывный выпуск топ-новостей и комментарии к ним в СМИ, моделирование речевого и символического поведения участников форумов, политику блокирования отдельных комментариев, блогов и т.д.

На действенность информации для инверсии отношений у людей при кризисных событиях указывают специалисты как по «менеджменту восприятия» [6], так и в области «информационной войны» [22, с. 67—80].

Культурно-развивающий императив в обеспечении информационно-психологической безопасности выражает значимость утверждения у россиян просоциальных ориентиров жизнедеятельности, составляющих основу безопасного функционирования личности, общества, государства. На это особо обращено внимание в Указе Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года», где зафиксировано, что в зоне особого внимания должна находиться информационная безопасность подрастающего поколения, а поэтому деятельность государства и субъектов воспитания должна быть целенаправленной в области защиты от факторов, негативно влияющих на физическое, психическое и нравственное развитие.

Воспитание информационно-психологической культуры, на наш взгляд, должно базироваться на учете специфики развития у человека двух ее составляющих — личностной и деятельностной. Личностная составляющая основывается на аутопсихологической компетентности и информационно-психологической грамотности человека по вхождению и проявлению активности в информационном пространстве, где сегодня имеют место разноплановые «цифровые угрозы» (см. Рисунок 1) и ведутся разные виды информационной войны (см. Рисунок 3). Развитие данной составляющей важно для человека потому, что позволяет ему быть психологически готовым и способным своевременно предотвращать персональные деструктивные воздействия.

Деятельностная составляющая информационно-психологической культуры связана с навыками и умениями противодействия объективным материально-техническим опасностям и угрожающим воздействиям — при осуществлении профдействий в информсреде, причем как в типовых, так и экстремальных условиях.

Как известно, Министерство просвещения России утвердило для старших классов общеобразовательной школы новые учебники «Основы безопасности жизнедеятельности» (2021), которые подготовлены большим авторским коллективом и изданы под научной редакцией психолога Ю.С. Шойгу. Конструктивно, что в учебнике для 9 класса есть модуль «Безопасность в информационном пространстве», который дает как общее представление о данном явлении, так и знакомит со следующими явлениями современной цифровой среды: опасными программами и явлениями цифровой среды, контентом и опасными персонками в интернете, материалами, распространяемыми различными деструктивными течениями (а также знакомит то средствами защиты от них).

Однако в рамках модуля по теме «Безопасное поведение» дан преимущественно материал по профилактике правонарушений в интернете, хотя проблематика обеспечения личной информационно-психологической безопасности более многопланова. На это при личном общении указали и учителя, посчитавшие важным предложить дополнить модуль материалами по психологии самообеспечения информационно-психологической безопасности в онлайн-бытии, продуктивные стратегии по которой предложены в исследованиях психологов [15], а также материалами по проблематике профилактики развития у детей зависимости от смартфона [28] и социальных сетей [29].

Расширение в вузовском образовании дистанционной формы обучения и тестового контроля знаний привела к ряду отрицательных явлений. Если не уходить в детали, а о них уже приходилось вести речь в одной из наших публикаций [21], то в контексте информационно-психологической культуры обращу внимание на рост среди современных студентов «надпознавательной ориентации» — прагматичной установки не на получение знаний, а лишь на приобретение сертификата о получении образования («корочки» — как об этом часто говорят).

Учитывая, что в период обучения в вузе у студентов есть возможность для длительного времяпровождения в интернете, у них может происходить размывание границ онлайн-реальности и офлайн-реальности, в том числе с движением от «логоса к мемам», с ориентацией на идеалы постмодерна и представлением о равноценности всех стилей и способов жизни.

Мы разделяем позицию И.А. Кефели, что сегодня «именно против мемов, олицетворяющих образы «темных сил», должны быть направлены методы и средства обеспечения ментальной безопасности подрастающего поколения» [12]. В связи с этим представляется своевременным Письмо Минобрнауки от 22.11.2023 №МН-5/203361 о введении в учебные планы вузов по всем уровням подготовки психологов дисциплины «Духовная безопасность личности и традиционные российские духовно-нравственные ценности в работе психолога».

Заключение

Возросшие масштабность и технологичность воздействий СМИ и Интернета на людей актуализирует междисциплинарную разработку проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности. Если раньше учеными исследовались отдельно ее составляющие — информационно-техническая и информационно-психологическая, — то в условиях цифрового общества актуально изучение их взаимосвязанности и выявление уязвимости людей, т.к. могут быть задействованы возможности искусственного интеллекта по профилированию личности и осуществлению процесса усиления виктимизации.

На основе анализа современных исследований установлено: сегодня — в условиях ведущейся против россиян информационной войны со стороны сотрудников спецслужб стран Запада и аффилированных с ними структур, а также повышения (с началом СВО) активности и специалистов из украинских ЦИПСО, — «охранно-защитная модель безопасности» (доктринально обоснованная юристами и с 1992 г. заложенная в разные виды законодательства), ведет преимущественно к фактуально-локальному реагированию на деструктивные информационные акции, осуществляемые против разных категорий россиян.

С учетом предложений, содержащихся в современных монографических исследованиях, и в контексте философской концепции антропосоразмерности — нами была обоснована важность перехода к реализации «превентивно-культурной модели обеспечения информационно-психологической безопасности». Ее содержание представлено в виде комплекса мер противодействия, обоснованных в рамках двух ключевых императивов: превентивно-виктимного и культурно-развивающего. Данные императивы предопределяют, на наш взгляд, дальнейшую научно-исследовательскую и программно-проектную деятельность.

Учитывая, что сделанные нами предложения носят комплексный характер, надеемся на их заинтересованное обсуждение не только в психологическом сообществе, но и на междисциплинарном уровне.

Литература

1. Альянс по защите детей в цифровой среде провел исследование о цифровых угрозах у подростков в интернете. URL: <https://habr.com/ru/news/759090/> (дата обращения: 20.02.2024)
2. Баженова И.В., Пищальникова В.А. Актуальные проблемы лингвистической безопасности: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 151 с.
3. Бессонова Ю.В. Становление профессионального менталитета безопасности в организациях повышенного риска // Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы взаимодействия теоретиков и практиков. Материалы X Всероссийской научной конференции (г. Сочи, 09—10 октября 2020). М.: Мир науки, 2020. С. 38—48.
4. Гафнер В.В. Культура безопасности: аналитический обзор диссертационных исследований (педагогические исследования, 2002—2012 гг.). Екатеринбург: Уральский гос. пед. университет, 2013. 200 с.
5. Журавлев А.Л. Актуальные проблемы социально-ориентированных отраслей психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. — 560 с.
6. Забарин А.В. Менеджмент восприятия как психолого-политический феномен: генезис проблемы // Вопросы политической психологии. 2001. № 1. С. 33—38.

7. Ильницкий А.М. Стратегия ментальной безопасности России // Aftershock: [сайт]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/1099876&full> (дата обращения: 24.02.2024).
8. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность: кол. монография / под ред. И.Ф. Кефели, Р.М. Юсупова. СПб.: ИД «Петрополис», 2017. — 300 с.
9. Калегина Ю.В. Особенности развития культуры безопасности сотрудников организации // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2023. №1 (63). С. 53—69.
10. Караяни А.Г., Караяни Ю.М. Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 3—14.
11. Караяни А.Г., Караяни Ю.М. Методы негативного информационно-психологического воздействия на правоохранителей в ходе протестных акций в зарубежных странах // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1(1). С. 70—83.
12. Кефели И.Ф. Когнитивная безопасность — на стыке науки и идеологии // «XX Международные Лихачевские научные чтения». СПб., 2022. С 96—99.
13. Кисляков П.А., Шмелева Е.А. Концептуальные подходы и методы диагностики психологической безопасности за рубежом [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2023. Том 12. № 3. С. 8—18. (дата обращения: 20.02.2024)
14. Красноштанова Н.Е. Представления сотрудников органов внутренних дел о психологической безопасности субъекта служебной деятельности // Прикладная психология и педагогика. 2023. Т. 8. № 4. С. 167—178.
15. Краснянская Т.М. Психология самообеспечения безопасности (феноменология, механизмы, стратегии): автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Сочи, 2006. — 38 с.
16. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Построение концепции личной безопасности в психологическом пространстве вызовов современности // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2022. № 4. С. 4—9.
17. Кузнецов В.Н. Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе: социологический аспект: дис. ... д-ра соц. наук. М., 2002. — 388 с.
18. Лайнбарджер П. Психологическая война. М.: Военное издательство МО СССР, 1962. — 352 с.
19. Медякин И.А. Военная безопасность российского общества в условиях новой информационной реальности: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Новочеркасск, 2023. — 23с.
20. Меерсон А.-Л.С. Формирование информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2023. — 25 с.
21. Поздняков В.М., Киреева А.В., Воронин И.В., Киреев В.Б. Отношение студентов к дистанционному обучению в условиях пандемии и трансформации личности в аспекте психологической безопасности // Психологическая безопасность образовательной среды: проблемы, ресурсы, профилактика: монография / кол. авторов; общ. ред. А.В. Литвиновой, А.В. Кокурина. М.: РУСАЙНС, 2022. С.77—101.
22. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Кундетов А.И., Трофимов Д.А. Исследование деструктивных технологий «цветных революций» и профилактика возможности их применения в Российской Федерации: Пособие. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2014. 86 с.
23. Сухов А.Н. Информационная безопасность как научно-практическая проблема // Защиты меня. 2022. №1. С. 38—42.
24. Сухов А.Н. Безопасность личности: теоретико-практический аспект // Сетевой научный журнал «Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие». 2021. Т. 9. № 3 (34). С. 229—237. www.humjournal.rzgm.ru / E-mail: humjournal@rzgm.ru
25. Сухов А. Н. Социально-психологический анализ информационной безопасности // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 1. С. 79—85.
26. Харламенкова Н.Е. Понятие психологической безопасности и его психологическое обоснование с разных научных позиций // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 1. С. 28—37.

27. Харламенкова Н.Е., Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В., Ворона О.А., Казымова Н. Н., Дымова Е.Н., Шаталова Н.Е. Психологическая безопасность личности: имплицитная и эксплицитная концепции. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2017. — 262 с.
28. Шейнов В.П., Дятчик Н.В. Психологические состояния и свойства личности, имеющей зависимость от смартфона // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2021. № 6(40). С. 225—235.
29. Шейнов В.П. Зависимость от социальных сетей и характеристики личности: обзор исследований // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 3. С. 607—630.
30. Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб.: Алетейя, 2000. — 242 с.
31. Amir M. Victim Precipitation Foreidile Rape // The journal of Criminal Law, Criminology and Police science. 1967. V.58, N4. P.493—502.
32. Rona Thomas P. Weapon Systems and Information War / Office of the secretary of defense Washington DS. Yar. Boeing Aerospace Company Seattle, Washington 98124. 1 July 1976. P. 31 // URL: http://www.dod.mil/pubs/foi/Reading_Room/Science_and_Technology/09-F-0070-Weapon-Systems-and-Information-War.pdf.

References

1. The Alliance for the Protection of Children in the Digital Environment conducted a study on digital threats in adolescents on the Internet. — URL: <https://habr.com/en/news/759090/> (accessed: 20.02.2024)
2. Bazhenova I.V., Pishchalnikova V.A. Aktual'nye problemy lingvisticheskoy bezopasnost': monografiya [Actual problems of linguistic security: monograph]. MOSCOW, UNITY-DANA PUBL., 2015. 151 p. (in Russian).
3. Bessonova Y.V. Stanovlenie professional'nogo mentalyta bezopasnosti v organizatsii vysvyshehnogo riska [Formation of professional mentality of security in organizations of increased risk] // Psychology of Security and Psychological Safety: Problems of Interaction of Theoreticians and Practitioners. Proceedings of the X All-Russian Scientific Conference (Sochi, 09-10 October 2020). Moscow, World of Science Publ., 2020. Pp. 38—48.
4. Gafner V.V. Culture of Safety: Analytical Review of Dissertation Research (Pedagogical Research, 2002—2012). Ekaterinburg: Uralskiy gos. ped. University, 2013. — 200 p. (in Russian).
5. Zhuravlev A.L. Aktual'nye problemy sotsial'no-orientirovannykh otraslov psikhologii [Actual problems of socially-oriented branches of psychology]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011. — 560 p. (in Russian).
6. Zabarin A.V. Management of Perception as a Psychological and Political Phenomenon: Genesis of the Problem. 2001. № 1. Pp. 33—38.
7. Il'nitskiy A.M. Strategiya mental'noy bezopasnosti Rossii [Strategy of mental security of Russia] // Aftershock: [site]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/1099876&full> (accessed: 24.02.2024).
8. Information, Psychological and Cognitive Security: Coll. Monograph / Ed. by I.F. Kefeli, R.M. Yusupov. St. Petersburg: Petropolis Publishing House, 2017. — 300 p. (in Russian).
9. Kalgina Y.V. Osobennosti razvitiya kul'tury bezopasnosti sotrudnikov organizatsii [Features of the development of the safety culture of employees of the organization] // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.P. Astaf'eva. 2023. №1 (63). Pp. 53—69.
10. Karajani A.G., Karajani Y.M. Informatsionno-psikhologicheskoe vozdeistvie v kontekste paradigmy strategicheskikh kommunikatsii [Information and psychological impact in the context of the paradigm of strategic communications]. 2021. № 1 (41). Pp. 3—14.
11. Karajani A.G., Karayani Y.M. Methods of negative information and psychological impact on law enforcement officers during protest actions in foreign countries. 2021. № 1(1). Pp. 70—83.
12. Kefeli I.F. Cognitive Security — at the Junction of Science and Ideology // XX International Likhachev Scientific Readings. St. Petersburg, 2022. Pp. 96—99.
13. Kislyakov P.A., Shmeleva E.A. Kontseptual'nye podkhody i metody diagnostiki psikhologicheskoy bezopasnosti za rubezh [Conceptual approaches and methods of diagnosing psychological safety abroad]. 2023. Volume 12. № 3. Pp. 8—18. (accessed: 20.02.2024)

14. Krasnoshtanova N.E. Predstavleniya sotrudnikov organov vnutrennykh del o psikhologicheskoy bezopasnosti sub'ekta sluzhebnoy deyatelnosti [Representations of employees of internal affairs bodies about psychological security of the subject of official activity]. 2023. T.8. № 4. Pp. 167—178.
15. Krasnyanskaya T.M. Psikhologiya samoobespecheniya bezopasnosti (phenomenology, mekhanizmy, strategii): avtoref. dis. ... Dr. Psychol. Sciences. Sochi, 2006. — 38 p. (in Russian).
16. Krasnyanskaya T.M., Tylets V.G. Stroitel'nie kontseptsii lichnogo bezopasnosti v psikhologicheskogo prostranstvo vyzov sovremennosti [Construction of the concept of personal security in the psychological space of modern challenges]. 2022. № 4. Pp. 4—9.
17. Kuznetsov V.N. Formation of Safety Culture in a Transforming Society: Sociological Aspect. ... Dr. Soc. Sciences. Moscow, 2002. — 388 p. (in Russian).
18. Linebarger P. Psikhologicheskaya vojna [Psychological war]. Moscow, Military Publishing House of the Ministry of Defense of the USSR, 1962. — 352 p. (in Russian).
19. Medyakin I.A. Military Security of Russian Society in the Conditions of the New Information Reality: Avtoref. dis. ... Cand. philosopher. Sciences. Novocherkassk, 2023. — 23 p. (in Russian).
20. Meerson A.-L.S. Formation of Information and Psychological Resistance to Socio-Cultural Threats in Students. dis. ... Cand. Psychol. Sciences. St. Petersburg, 2023. — 25 p.
21. Pozdnyakov V.M., Kireeva A.V., Voronin I.V., Kireev V.B. Attitude of Students to Distance Learning in the Context of the Pandemic and Personality Transformation in the Aspect of Psychological Safety. Eds. by A.V. Litvinova, A.V. Kokurin. Moscow, RUSAINS Publ., 2022. P.77—101.
22. Sundiev I.Yu., Smirnov A.A., Kundetov A.I., Trofimov D.A. Issledovanie destruktivnykh tekhnologii "tsvetnykh revolutsii" i profilaktika vozmozhnosti ikh primeneniya v Rossiiskoi Federatsii [Study of destructive technologies of "color revolutions" and prevention of the possibility of their use in the Russian Federation]. Moscow, VNII MVD Rossii Publ., 2014. — 86 p. (in Russian).
23. Sukhov A.N. Informatsionnaya bezopasnost' kak nauchno-prakticheskaya problema [Information security as a scientific and practical problem]. 2022. №1. P. 38—42.
24. Sukhov A.N. Personal Security: Theoretical and Practical Aspect // Network Scientific Journal "Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development". 2021. T. 9. № 3 (34). Pp. 229—237. www.humjournal.rzgmu.ru / E-mail: humjournal@rzgmu.ru
25. Sukhov A. N. Sotsial'no-psikhologicheskii analiz informatsionnoy bezopasnosti [Socio-psychological analysis of information security]. 2022. № 1. Pp. 79—85.
26. Kharlamenkova N.E. Ponyatie psikhologicheskoy bezopasnosti i ego psikhologicheskoe osnovaniye s raznykh nauchnykh pozitsii [The concept of psychological safety and its psychological justification from different scientific positions]. 2019. T. 40. № 1. Pp. 28—37.
27. Kharlamenkova N.E., Tarabrina N.V., Bykhovets Yu.V., Vorona O.A., Kazimova N.N., Dymova E.N., Shatalova N.E. Psikhologicheskaya bezopasnosti lichnosti: implicitnaya i explicitnaya kontseptsii [Psychological security of personality: implicit and explicit concepts]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2017. — 262 p. (in Russian).
28. Sheinov V.P., Dyatchik N.V. Psikhologicheskie sostoyanie i sobstvennosti lichnosti, imeniyu zavisimosti ot smartphonea [Psychological states and properties of a person who has dependence on a smartphone]. Pedagogical Review. 2021. № 6(40). Pp. 225—235.
29. Sheinov V.P. Dependence on Social Networks and Personality Characteristics: A Review of Research. Series: Psychology and Pedagogy. 2021. T. 18. № 3. Pp. 607—630.
30. Yuriev A.I. Introduction to Political Psychology. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2000. — 242 p. (in Russian).
31. Amir M. Victim Precipitation Foreidle Rape // The jurnal of Criminal Law, Criminology and Police science. 1967. V.58, N4. Pp. 493—502.
32. Rona Thomas P. Weapon Systems and Information War / Office of the secretary of defense Washington DS. Yar. Boeing Aerospace Company Seattle, Washington 98124. 1 July 1976. P. 31 // URL: http://www.dod.mil/pubs/foi/Reading_Room/Science_and_Technology/09-F-0070-Weapon-Systems-and-Information-War.pdf

Поздняков В.М.

О разработке современной модели обеспечения
информационно-психологической безопасности
Экстремальная психология и безопасность личности.
2024. Том 1. № 1. С. 44—58.

Pozdnyakov V.M.

On the development of a modern model for ensuring
information and psychological security
Extreme Psychology and Personal Safety.
2024. Vol. 1, no. 1, pp. 44—58.

Информация об авторах

Поздняков Вячеслав Михайлович, доктор психологических наук, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Information about the authors

Vyacheslav M. Pozdnyakov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Получена 14.03.2024

Принята в печать 29.05.2024

Received 14.03.2024

Accepted 29.05.2024